

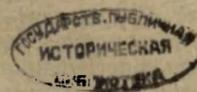
НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

19 Ноября.

№ 15

СОДЕРЖАНИЕ.

МОРИСЬ ДОНЗЕЛЬ. БУДЬТЕ БОДРЫ.
Н. БЕРДЯЕВЪ. БЫЛА ЛИ ВЪ РОССІИ РЕВО-
ЛЮЦІЯ?
ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.
В. БЫСТРЕНИНЪ. ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И НАРОДЪ.

Н. УСТРЯЛОВЪ. РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ФРОНТЪ.
Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЪ-
НІЕ.
В. ДОРОВАТОВСКАЯ. ФОКУСНИКИ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

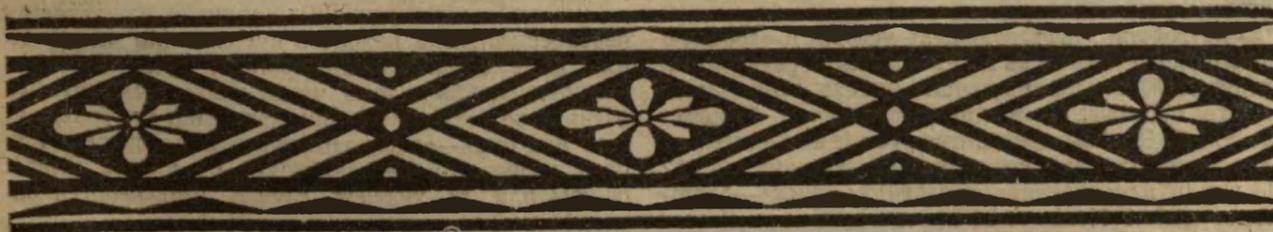
НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—40 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЪЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНЪЕ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва, Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 8
Тел. 3-97-14; 61-03 и 4-27-29.

БУДЬТЕ БОДРЫ.

Статья Мориса Донзеля.

Мы—малодушны. Когда я пишу это слово *мы*, я думаю о нѣкоторыхъ представителяхъ средняго сословія, т.-е. тѣхъ людей, которыхъ можно считать наиболѣе заинтересованными въ успѣхѣхъ революціи. А успѣхъ этотъ заключается для нихъ не въ безцѣльномъ, поистинѣ глупомъ продленіи революціоннаго безпорядка, но въ прочномъ установленіи новаго, основаннаго на уваженіи человѣческаго достоинства и на христіанской любви порядка. Такихъ людей найдется не мало. Я убѣжденъ, что они составили-бы подавляющее большинство среди гражданъ русской націи и росіискіи республики, если-бы имъ всѣмъ была дана возможность осознать самихъ себя, если-бы они могли всѣ понять, вслѣдствіе чего, какъ и ради чего *случилась* у нихъ революція. Но мы должны имѣть постоянно въ виду самое великое препятствіе, существующее между сознаниемъ этихъ людей и за-таенной, однако, *въ ихъ душахъ* истиной, я разумѣю ихъ поразительное невѣжество, неподготовленность къ условіямъ жизни свободнаго человѣка, я скажу больше, ихъ нежеланіе что-нибудь достовѣрное узнать, за исключеніемъ тѣхъ нѣсколькихъ жалкихъ, матеріалистическихъ и, главное, преходящихъ истинъ и полуистинъ, которыми демагоги замѣняютъ настоящій, высшій смыслъ революціи. Мы должны имѣть въ виду и эту безсовѣстную эксплуатацію народнаго невѣжества демагогами и полуобразованными теоретиками, это углубленіе всеобщаго заблужденія, чудовищнымъ образомъ осуществляемое со средствами, принадлежащими, по праву, только освѣдомленнымъ, правдивымъ и искреннимъ носителямъ идеи. Мы должны имѣть все это въ виду не для того, чтобы отчаиваться въ собственныхъ силахъ, чтобы впасть въ уныніе, чтобы бросить борьбу и уединиться въ поэтической грезѣ о настоящей свободѣ, о своей божественной природѣ, о лучшемъ будущемъ или, что было бы преступленіемъ, о своей личной выгодѣ. Въ этомъ мы уподобились бы несостоятельнымъ фантазерамъ и сознательнымъ лгунамъ, группирующимся въ парти, противъ которой мы желаемъ вести борьбу. Нѣтъ, не въ этомъ наше призваніе! Нашъ долгъ передъ народомъ, передъ самими собою, передъ будущимъ, передъ исторіей и, для вѣрующихъ въ Бога, передъ Богомъ,—принять, бодро, даже радостно принять, борьбу со всѣми ея трудностями. Да, въ этомъ можетъ быть даже *радость*! Развѣ хорошій игрокъ бросаетъ игру, потому что не всѣ карты раскрыты передъ нимъ, потому что законы игры заключаютъ въ себѣ множество неудобствъ, произвольныхъ условій и огромную долю *риска*? Развѣ не въ этомъ скопленіи различныхъ препятствій, въ неизвѣстности успѣха заключается высшее наслажденіе настоящаго игрока? Конечно не шулера. Эхъ! вы, доблестные русскіе интеллигенты, мало-ли мы съ вами сражались на зеленомъ сукнѣ? Не вы ли насъ научили пословицѣ: «рискъ—благородное дѣло»? Невѣжество народа есть непремѣнное условіе революціонной игры. Давайте съ этимъ сражаться! Противъ этого невѣжества, противъ непо-

ниманія, противъ неумѣнія и нежеланія понять, мы поставимъ ставку, самую большую ставку! *Все на карту!* Согласны? Хорошее *все*, мы его назовемъ *независимость родины и гражданскую свободу и благополучіе граждан*. Согласны?

Мы малодушны. Мы не знаемъ своихъ силъ, мы сомнѣваемся въ нихъ. Мы боимся сосчитать своихъ приверженцевъ, какъ бы не оказалось ихъ очень мало. Мы начинаемъ забывать исходный пунктъ революціи, то, за что боролись и погибли тысячи тысячъ лучшихъ русскихъ людей, свои настоящія цѣли. И вотъ, нѣкоторые изъ насъ открыто ставятъ уже самые ужасные вопросы: «Кто мы такіе? Не гадки ли мы всѣ или въ большинствѣ? Чего стоятъ наши цѣли? Есть-ли у насъ вообще какія-нибудь цѣли? Способны-ли мы къ творчеству? къ существованію? Не смѣшны-ли мы въ глазахъ всего человѣчества, какъ дѣти, играющіе «въ большихъ»? Не покончить-ли со всей *чепухой* разомъ, ну, тамъ, какъ-нибудь, рѣшительнымъ отказомъ отъ самостоятельной жизни, возвращеніемъ назадъ? Блудные дѣти, пойдемте всѣ къ своему отцу: *Pater, peccavimus. Miserere!*.. Сжался надъ нами, потому что мы были только способны промотать твое наслѣдіе, потому что мы недождаемъ, недопиваемъ, потому что намъ холодно, потому что мы плохо одѣты, потому что сапоги, драповое пальто и вообще *все* стало безумно дорого; потому что насъ окружаютъ враги, а бывшіе друзья и союзники смѣются надъ нами. *Peccavimus!* Нѣкоторые изъ насъ когда то тебя считали и называли глупымъ хозяиномъ, тираномъ. Мы теперь сознаемъ, что ты—необыкновенно мудръ и кротокъ; что въ тебѣ не было тѣни эгоизма или злости; что Богъ во всемъ тебѣ покровительствовалъ и что, не будь насъ, преступныхъ дѣтей, Онъ тебя привелъ бы къ побѣдѣ! *Miserere!* Прости! Прими насъ въ свои объятія!

Мы—малодушны. Потому что мы ставимъ эти вопросы, потому что нѣкоторые изъ насъ въ тайнѣ своихъ сердецъ вознеслись уже молитвою къ «славному прошедшему», потому что мы спрашиваемъ, есть-ли у насъ революція, не рабы ли мы и понинѣ, мы не сумѣли до сихъ поръ опредѣлить даже, составъ своей арміи, приверженцевъ—*обновленнаго порядка*. Мы боимся смотрѣть другъ другу въ глаза. Мы не рѣшаемся искать во тьмѣ, въ лѣсу своихъ разбросанныхъ, незнакомыхъ, несознательныхъ друзей. А между тѣмъ, если бы мы на это рѣшились, мы нашли бы этихъ единомышленниковъ на каждомъ перекресткѣ, подъ каждымъ кустомъ. Мы нашли бы ихъ даже среди своихъ враговъ, среди волковъ! Мы убѣдились бы въ томъ, что на самомъ дѣлѣ въ лѣсу очень мало, мало настоящихъ волковъ; что большинство изъ нихъ—овцы, отъ страха или глупости или ради подраженія переодѣвшіяся въ старыя волчьи шкуры или, въ худшемъ случаѣ, взбѣсившіеся бараны!

Мы составляемъ *среднее сословіе*. Я подъ этимъ разумѣю не совсѣмъ то, что во Франціи было извѣстно

подъ названіемъ «третьяго сословія, tiers état». Въ концѣ-концовъ содержимыя этихъ терминовъ представляютъ только внѣшнее сходство. Tiers-état заключало въ себѣ и буржуазію, и крестьянство, и рабочее население, и низы общества; интеллигентные представители этой массы руководили въ первую пору борьбой, объявленной верхамъ; крестьянство извлекало изъ этой борьбы личную пользу между тѣмъ, какъ рабочее население и, впоследствии, подонки общества предоставляли свою грозную силу теоретикамъ революции; и это было такъ до того момента, когда эта сила превратила разумно начатое движеніе въ хаосъ безцѣльныхъ колебаній, бесплодныхъ и болѣзненныхъ волненій. Наступила анархія. Tiers-état было въ началѣ болѣе инстинктомъ, объединеннымъ противъ эгоистичныхъ интересовъ меньшинства, т. е. королевской власти, дворянства и духовенства. И поскольку французская революція была борьбой личныхъ, матеріальныхъ интересовъ, она неизбежно шла къ анархії, потому что личный индивидуальный и классовый эгоизмъ есть именно принципъ анархії. Когда смотришь на французскую революцію съ этой точки зрѣнія, она являетъ изъ себя только отвратительное зрѣлище, въ центрѣ котораго естественное мѣсто занимаетъ гильотина. Если-бы эта революція ничего не заключала въ себѣ кромѣ этого безобразія, кромѣ этой всеобщей вражды, она никогда не кончилась бы, развѣ какъ устройствомъ огромнаго кладбища, имѣющаго своими границами границы Франціи! Или нѣтъ, это конечно не могло-бы кончиться такъ; но вполне разумно допустить, что иностранное вторженіе прекратило бы властнымъ голосомъ орудій эту кровавую распрю; вмѣстѣ съ революціей Франція прекратила бы свое существованіе.

Франція пережила анархію и вернулась къ творческой жизни. Впрочемъ это она дѣлала неоднократно и мы разсматриваемъ первую французскую революцію, какъ особенно яркій, по нѣкоторымъ особенностямъ близкій къ нашему опыту примѣръ. Франція—художникъ: она предавалась, время отъ времени, бунту, разгулу, лѣни; она—великая фантазерка; она творила ужасъ и безобразіе во имя сомнительныхъ или подлинно-возвышенныхъ идеаловъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ хорошему художнику, ей всегда удавалось спохватиться во время; какъ хороший творецъ жизни она, послѣ мучительнаго вынашиванія, находила способы оформить свои новыя мысли; въ политической и общественной жизни она осуществляла программу поэта А. Шенье:

— Sur des pensers nouveaux faisons des vers anti-ques!

Она знала или чувствовала, что искусство не существуетъ безъ мѣры, безъ ритма, безъ гармоніи, безъ предѣла, который Муза или, скорѣе, самъ поэтъ устанавливаетъ на должномъ мѣстѣ, на пути своего развитія. Она развивалась постепенно, она неукоснительно развивается.

Кто были тѣ люди, которымъ Франція обязана своимъ существованіемъ, своимъ развитіемъ? Историкъ, въ особенности когда онъ описываетъ темныя эпохи народнаго разгула, безответственнаго произвола, анархії, конечно задаетъ себѣ вопросъ:—Какъ же они изъ этого вышли? Кто былъ тутъ ангелъ, чья десница всѣмъ руководила, все спасла? Гдѣ объясненіе и оправданіе?—Историкъ, преданный идеаламъ французской революціи, свободѣ, народному благо-

получію, особенно мучительно ищетъ разрѣшенія проблемы. Помните-ли вы, ученые специалисты этой исторіи, съ какимъ трепетомъ пламенный Мишле подходитъ къ этому вопросу? Передъ нимъ рисуется картина Террора 1793-го года. Онъ лирикъ, онъ принимаетъ близко къ сердцу судьбу Франціи и освободительнаго движенія. Для него вопросъ выражается въ совершенно конкретной формѣ: «На какой-же скамейкѣ въ Конвентѣ, на какомъ-же мѣстѣ я могъ-бы сидѣть?» Онъ отвѣчаетъ: «Между Камбономъ и Карно». Онъ заявляетъ рѣшительно: «Я не былъ-бы якобинцемъ».—Для него Камбонъ и Карно—не якобинцы. За то они спасители революціи и Франціи. А якобинцы, это—большевики 1793 года.

Да, нѣкоторое меньшинство спасло Францію. Но это разрозненное меньшинство мы находимъ не на однѣхъ скамейкахъ Конвента. Среди официальныхъ руководителей движенія эти спасители, можетъ-быть, меньше всего замѣтны. Мы даже не видимъ, чтобы въ разгаръ событій имъ удалось собраться въ сколько-нибудь значительную группу. Они чаще всего другъ друга не знали. Они были одиноки, хотя-бы и принадлежали большимъ партіямъ. Бывало, они смотрѣли другъ на друга, какъ на непримиримыхъ враговъ. А между тѣмъ душа была одна у нихъ всѣхъ. Благодаря имъ историкъ рѣшается признать за французской революціей значеніе подвига. Онъ отыскиваетъ этихъ людей во всѣхъ тѣхъ углахъ, гдѣ мысль и любовь горѣли тихимъ и невозмутимо-яснымъ пламенемъ; онъ отличаетъ эти благодатные огни среди густого дыма, омрачившаго храмъ Свободы. Всѣ тѣ, которые хоть на минуту отвлеклись отъ преслѣдованія личной выгоды, составляютъ цѣпь героевъ, сохранившихъ отъ разрушенія, спасшихъ отъ проклятія новое зданіе. Это они разукрасили перестроенное жилище трофеями самопожертвованія, цвѣтами добродѣтели. Это были ученые и военные, мѣщане и пролетарии, аристократы 4-го августа, священники, журналисты, поэты, женщины, взшедшіе на эшафотъ съ мыслью о томъ, что лучшее достояніе Франціи заключается не въ какомъ-то весьма спорномъ опредѣленіи правъ человѣка, не въ демагогическомъ предразсудкѣ о равенствѣ, не въ сто разъ переработанныхъ конституціяхъ, не въ самоуваженіи, въ мужествѣ при отстаиваніи своего достоинства, въ упорной и умной работѣ на благо человѣчества, въ сознаніи таинственной братской связи, существующей между членами національной семьи, въ горячемъ желаніи расширить эту семью, принять въ свои объятія всѣхъ человѣковъ благоволенія. Этимъ духомъ просвѣтлится революціонная гроза, этимъ христіанскимъ духомъ осмыслена вся европейская эволюція, этимъ духомъ воздѣйствовали русскіе герои освобожденія, основавшіе идеальную свободу на твердомъ принципѣ *внутренняго освобожденія* и просвѣщенія. Этимъ духомъ сильны и вы, русскіе люди 1917 года, несмотря ни на какія ошибки, ни на какія слабости, несмотря ни на какія преступленія. Этимъ духомъ обезпечена общность вашихъ интересовъ, русскіе «буржуи», интеллигенты, рабочіе, крестьяне, солдаты, христіане, мусульмане, евреи. Этимъ духомъ обезпечено ваше национальное единство. Этимъ духомъ вы пробуждаете весь міръ.

Нѣтъ, въ глазахъ иностранца вы не смѣшны. Ваша слабость очень страшна врагамъ вашего, нашего общаго идеала. Вы страдаете: вы сумѣете пережить

свое несчастье. Вы запутались: вы найдете вѣрный путь. Вы поссорились, братья «буржуи», братья «социалисты»: вы найдете примирение.

Стыдно, господа! Вы спрашивали: существоемъ-ли мы? Но ваше существование, ваше единство настолько очевидны, что ваши друзья не могут еще разобратъ, кто именно изъ васъ ошибается; ваши враги васъ облекаютъ всѣхъ въ одно проклятіе. Единство жизни и стремление русскаго народа поразительно: *cela crève les yeux!*

Именно и потому я усмотрѣлъ у васъ существование *средняго сословія*, которое создаетъ это единство. Вокругъ этого сословія собирается масса представителей всѣхъ классовъ всего населенія. Это свѣтлое ядро составляетъ чрезвычайно развитая и вліятельная интеллигенція, распространенная по всей русскаго землѣ. Сила этой массы въ рукахъ рабочихъ и крестьянъ, неоднократно доказывавшихъ свою готовность къ благороднымъ подвигамъ, всегда въ концѣ концовъ подчинившихся руководству своихъ лучшихъ и наиболѣе просвѣщенныхъ братьевъ. Франція 1789 г. была гораздо болѣе разрозненная, *группировка интересовъ была совершенно иная*, ихъ противоположность неизмѣримо большая. Настоящие спасители Франціи и революціи, я повторяю, едва знали другъ друга. Тутъ, въ Россіи, единомышленниковъ можетъ образоваться сплошная масса. Сознательно или безсознательно къ этой группѣ (которую я назвалъ *сословіемъ* за неизмѣнимъ болѣе подходящаго слова) принадлежатъ *почти всѣ*.

И что-же, интеллигенты, свѣтъ Россіи, отъ которыхъ, гораздо больше чѣмъ отъ солдатъ дѣйствующей арміи, зависитъ спасеніе родины и свободы, вы вдругъ задумались! Вы спрашиваете:—Есть-ли вообще у насъ революція?—Внѣшняя разруха вамъ мѣшаетъ видѣть картину завершающейся, давнымъ давно начатой революціи, тотъ сдвигъ умовъ, который являет-

ся настоящимъ объясненіемъ разыгрывающихся событий. Вы уже не надѣетесь повліять на душу народа, дать хорошее направление внутреннему волненію! Вы перестали даже вѣрить въ благородную цѣнность и силу *слова*. Вы думаете бросить работу своей жизни, отказаться отъ своего призванія! Чего вы боитесь? Разоренія? Смерти? Отчаяніе есть самый прямой путь къ духовному и матеріальному разоренію, къ смерти. А, положимъ даже, грубая, невѣжественная сила васъ накажетъ за дерзость вашихъ убѣжденій. Эта случайная ваша смерть развѣ что-нибудь доказала-бы? Не такъ думали энергичные, жизнерадостные дѣятели, заключенные въ тюрьмахъ 1793 года. Кондорсе, наканунѣ смерти, пишетъ свой *Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain*, который есть прославление освободительнаго движенія. Андрэ Шенье воспѣваетъ свободу; вы знаете, какъ онъ умеръ. Даптонъ за-границу не бѣжитъ: смерть не страшна среди своихъ; смерть не безнадежна, когда осужденный встрѣчается въ глазахъ толпы, окружающей роковую телѣгу, взоръ, полный сочувствія и восхищенія. Вы сами развѣ недоумѣвали, развѣ боялись, не больше, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, не раньше, какъ въ прошломъ году?

Нѣтъ, я вамъ не вѣрю. Вы, мы—не такъ малодушны. Вы сами сознаетесь, что ваше недоумѣніе, ваши вопросы, ваша самокритика, это—такъ себѣ—игра, старая русская игра, не лишенная сладострастныхъ наслажденій. Но эта игра—опасна. Опасность для Россіи заключается въ томъ, что всѣ ея дѣти, каждый по своему, въ настоящій моментъ играютъ. Къ работѣ господа! Звонко звонить. Каждый къ своей скромной, но отвѣтственной работѣ! Задано сочиненіе не на тему:—Стоить-ли спасти Россію?—но на тему:—Пользуясь опытомъ вѣковъ и собственной мудростью, какъ-же намъ спасти Россію?—

Морисъ Донзель.

БЫЛА ЛИ ВЪ РОССІИ РЕВОЛЮЦІЯ?

Статья Н. Бердяева.

„Мы жили и продолжаемъ жить лишь для того, чтобы послужить какимъ-то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которые сумѣютъ его понять; нынѣ же, мы во всякомъ случаѣ, составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ міропорядкѣ“

Чадаевъ.

I.

Захватъ власти такъ называемыми «большевиками» многимъ представляется какой то страшной катастрофой, чѣмъ то совершенно новымъ въ судьбахъ русской революціи и Россіи. Находятся даже люди, которые изъ наивности или изъ лживости утверждаютъ, что наступилъ послѣдній этапъ борьбы рабочихъ и крестьянъ съ капиталистами и помѣщиками, послѣднее столкновение народа съ имущими классами. Г. Ленинъ счелъ возможнымъ заявить, что въ концѣ февраля въ Россіи была революція бержуазная, свергнувшая царизмъ, а въ концѣ октября произошла революція социалистическая, свергнувшая буржуазію, т.-е. процессъ, который у западныхъ передовыхъ народовъ со-

вершается столѣтія, въ отсталой Россіи произошелъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Такъ какъ жизнь наша очень начинаетъ напоминать кошмаръ, то все представляется намъ въ преувеличенномъ видѣ. Мы совершенно утратили перспективу событія. Я позволю себѣ думать, что все происходящее въ Россіи—чистѣйшіе призраки и галлюцинаціи, во всемъ этомъ нѣтъ ничего существеннаго и подлинно-реальнаго. То, что произошло въ самое послѣднее время, очень мучительно и тяжело въ перспективѣ личной жизни людей. Пролилась кровь, много было и будетъ невинныхъ жертвъ, жизнь человѣческая стала еще болѣе необезпеченной и невыносимой. Но нужно сознать, что ничто существенно не измѣнилось, ничего новаго не произошло. Перестановка атомовъ, пребывающихъ въ томъ же инертномъ состояніи, ничего не можетъ измѣнить ни въ какую сторону. Вообще въ русской революціи ничего новаго не случается, въ ней нѣтъ никакого настоящаго движенія. И то, что именуется у насъ революціей, есть сила инерціи, есть мертвая бездвижность передъ судомъ высшей духовной жизни. Въ колдовращеніи хаоса и анархіи никогда вѣдь не бываетъ настоящаго

движения и творческой новизны. Хаотическая перестановка и круговращение мертвой материи никуда не движется и никакой новой жизни не творит. В душах людей и в душе народа, в источниках творческой энергии ничто не изменилось, ничего нового не народилось. Действуют все те же старые инстинкты, все те же ветхие чувства. Новый человек не рождается. Ни одной новой души не народилось в стихии революции. Все осталось очень старым на Руси, вся психология отдельных людей и целых групп осталась ветхой. Вся ткань общественная расплывается и раздирается, как гнилая материя. Души людей все те же рабы души. Маскарадное переодевание никого не должно вводить в заблуждение. Под новыми масками слишком видны старая лица. Рабы и насильники, в которых не изменилось ни одно чувство и не появилось никаких проблесков нового, лучшего сознания, расхаживают и разбъзают в костюмах новых, свободных людей. Но звѣриное хрюканье все время слышится под личинами, которые вводят в обман лишь очень наивных и темных людей.

Смѣшно и нелѣпо, что у насъ серьезно говорятъ о «большевицахъ», опровергаютъ ихъ, спорятъ о путяхъ развитія русской «революціи». Все это, какъ говорятъ дѣти, не на самомъ дѣлѣ, все это не понастоящему. Вся русская «революція» есть тяжелый кошмаръ, приснившійся русскому народу отъ его безсилія и болѣзни, есть призракъ, созданный разстроеннымъ воображеніемъ народа слабого и потерявшаго духовный центръ. Кошмары и призраки дома умалишенныхъ выпущены на свободу и гуляютъ по землѣ русской. Все, что происходитъ, есть лишь иллюстрація къ «Бѣсамъ» Достоевскаго, книгѣ поистинѣ пророческой. Все бесходно, какъ въ кошмарѣ, все повторяется и возвращается, бѣсы кружатся и нельзя вырваться изъ этого бѣсовскаго круга. О безсиліи власти гг. Ленина и Троцкаго и ненародному характеру ихъ власти говорятъ такъ же, какъ говорили о безсиліи и ненародному характеру власти гг. Шгюрмера и Протопопова. Съ того времени глубоко и существенно ничто не изменилось. Все старое повторяется и дѣйствуетъ лишь подъ новыми личинами. Бурные процессы происходятъ лишь на поверхности. Процессы эти есть лишь тлѣніе ветхихъ одеждъ Россіи невозрожденной. Мы изжидаемъ послѣдствія нашихъ старыхъ грѣховъ, страдаемъ отъ нашихъ наследственныхъ болѣзней. *Въ Россіи никакой революціи не было.* Пора уже сорвать маски и изблечить подлинныя реальности. Русская революція есть чистѣйшій призракъ. Въ ней нѣтъ существенныхъ признаковъ революціи въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Старая власть, старая монархія не была у насъ свергнута революціей, она сгнила, разложилась и безславно пала, какъ надаетъ гнилое яблоко съ дерева. Но ядъ отъ гніенія старой Россіи остался внутри народнаго организма и продолжаетъ разлагать жизнь русскаго народа. Вотъ эти процессы гніенія старой Россіи и принимаютъ у насъ за «развитіе и углубленіе революціи». Чудовищный нигилизмъ, торжествующій въ этихъ процессахъ разложенія, есть явленіе старой Россіи, а не творчество новой Россіи. Въ Россіи пала власть и не замѣнилась никакой новой властью. Наступило безвластіе, междуцарствіе, анархія, бесплодная и не творческая, смутная эпоха. Катастрофу, происшедшую съ Россіей, такъ же невѣрно называть революціей,

какъ невѣрно было бы называть революціей пугачевщину. Катастрофа эта не есть измененіе формъ государства, не есть созданіе новой власти организованными силами, она есть упраздненіе государства, безсиліе организовать какую бы то ни было государственную власть. Въ этомъ русская революція безусловно отличается отъ французской революціи, въ которой дѣйствовалъ сильный государственный и национальный инстинктъ народа. У насъ же никакая новая, организующая и созидательная сила не пришла на смѣну старымъ, разлагающимъ силамъ. То, что у насъ называютъ «революціей», есть сплошная дезорганизация и разложеніе, смерть государства, націи, культуры.

II.

Ходъ русской «революціи» не есть драма развивающаяся отъ одного акта къ другому. Въ ней нѣтъ истиннаго драматизма, нѣтъ истинныхъ героев. Ходъ этой «революціи» болѣе напоминаетъ хаотическое крушеніе. Безысходность и неразрѣшенность особенно для нея характерны. И слишкомъ быстро наступилъ у насъ революціонный маразмъ. Мы переживаемъ не столько революціонную, сколько смутную эпоху. Всѣ отравлены въ эту эпоху, всѣ безрадостны, всѣ несчастны, у всѣхъ муть въ глубинѣ души. Сами дѣлатели «революціи» не чувствуютъ радости и подъема, въ нихъ нѣтъ настоящей вѣры. Русская «революція» страдаетъ собачьей старостью, она не пережила періода молодости, молодого энтузіазма, молодого увлеченія освободительными идеями. Всѣ революціонныя идеи давно уже вывѣтривались, всѣ революціонныя слова опошлелись. Эстетически и нравственно чуткій человекъ не можетъ уже безъ краски стыда прибѣгать къ революціонной терминологіи. Нельзя вынести этой зияющей пустоты всѣхъ революціонныхъ понятій! Все давно уже остыло и заледнѣло подъ революціонными фразами, не чувствуется горячаго человѣческаго сердца, горячей человѣческой мысли. Старыя слова, произносившіяся представителями стараго строя, вывѣтривались на протяженіи столѣтій. Революціонныя слова сразу же оказались стары и вывѣтривались на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ первые дни революціи жертвенная энергія не была истрачена на борьбу со старой властью. Старая власть пала безъ борьбы и сопротивленія, побѣда далась слишкомъ легко. А много злобы накопилось въ прошломъ, отъ стараго рабства и стараго униженія. И начали искать объекта для этой неразрѣшенной злобы. Объективация злобныхъ чувствъ создала контръ-революціонную «буржуазію». Массы народа отравили нечеловѣческой злобой ненавистью къ «буржуазіи», понятой въ очень расширенномъ смыслѣ, какъ все культурное общество. Сама же «буржуазія» обнаружила неорганизованность, пассивность и уступчивость, невиданныя въ исторіи. Съ самаго начала «революціи» русская одержима низкимъ страхомъ контръ-революціи и въ этомъ постыдномъ страхѣ чувствуется страшное безсиліе, отсутствіе молодой вѣры, молодого энтузіазма. Въ розыскѣ контръ-революціи есть что то въ высшей степени неблагоприятное. Дѣлатели «революціи» обнаружили шпионскіе инстинкты, свойственные дряхлѣющей и разлагающейся силѣ. Все это понятно, если признать наконецъ ту истину, которая пока ясна лишь немногимъ,—что въ Россіи никакой революціи и не было,

а было и есть лишь продолжающееся разложение и гниение старого, лишь длительное безвластие и безгосударственность, лишь развитие и углубление самовластия.

Мы уже долгое время живем под диктатурой «революционной демократии». И в этом отношении «большевистская революция» ничего нового с собой не принесла. Но что представляет собой эта «революционная демократия», которую хотят выдать за организующую и творческую силу? Это есть прежде всего господство темной и разлагающейся солдатчины, господство штыковъ въ рукахъ темныхъ людей, первобытные инстинкты которыхъ разнуздывались въ течение восьми мѣсяцевъ. Русские социаль-демократы, ученики К. Маркса, признали солдатскіе штыки главнымъ опредѣляющимъ факторомъ историческаго развитія. Нѣкоторые изъ нихъ, именующіеся «большевиками», даже увѣрены, что солдатскими штыками можно радикально измѣнить соотношеніе экономическихъ силъ. Такое милитаристическое перерождение марксизма поистинѣ изумительно, оно возможно лишь на темномъ Востока, въ совершенно некультурной странѣ. Въ этомъ есть что то турецкое. Есть основаніе думать, что западные люди и смотрятъ на русскую «революцію», какъ на китайскую или турецкую. Чудовищная неправда утверждать, что господство солдатчины, основанное на физическомъ насилии, имѣетъ хоть какое-либо отношеніе къ социализму, къ «идеѣ четвертаго сословія», какъ ее понимали Марксъ, Лассаль и др. западные социалисты. Безграмотная, темная масса солдатъ, отвыкшихъ отъ всякаго труда, тѣхъ самыхъ солдатъ, на чьи штыки недавно еще опиралось старое самовластие, ни съ какой точки зрѣнія не есть социалистически мыслящій и социалистически чувствующій рабочій классъ. «Большевизмъ» опирается на тѣ же солдатскіе штыки, на ту же темную и грубую физическую силу, на которую опиралась и старая, разлагающаяся власть. Ничто не измѣнилось. Масса осталась въ той же тьмѣ. Гдѣ же та новая психика пролетаріата, вырабатываемая коллективнымъ промышленнымъ трудомъ, которую марксисты всегда признавали необходимой предпосылкой социализма? Есть ли признаки этой новой психики въ беспорядочныхъ толпахъ солдатъ, дускающихъ сѣмячки, торгующихъ папиросами и совершающихъ насилие надъ мирными гражданами? Не случайно такъ трудно отличить въ темной массѣ «большевиковъ» отъ черносотенниковъ. А «социалистическую революцію» послѣднихъ дней очень легко смѣшать съ контрреволюціей. Тотъ же духъ, тѣ же приемы насилия и террора, то же надругательство надъ свободой и правомъ, то же глумленіе надъ достоинствомъ чело-вѣка. А ненависть къ «буржуазіи» есть исконная ненависть темнаго Востока къ культурѣ.

III.

Русскій народъ продолжаетъ разлагаться отъ безсилія, отъ тиранической анархії, отъ невѣжества и тьмы, отъ неорганизованности и недисциплинированности, отъ отсутствія руководящихъ созидательныхъ силъ. «Большевистская революція» есть одинъ изъ моментовъ разложенія и гниенія старой Россіи, одна изъ трансформаций старой русской тьмы. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего похожего на революцію, на демократію, на социализмъ, на сколько-нибудь глубокое измѣненіе въ обществѣ и народѣ. Все это—жуткій и зло-

вѣщій маскарадъ. Начала самовластия и деспотизма продолжаютъ свое торжество и чинятъ оргію. Въ старомъ русскомъ самовластвѣ было слишкомъ много анархическаго и слишкомъ мало объективныхъ правовыхъ началъ. И сейчасъ анархія и самовластие убиваютъ всякое право, всякую объективную и законную правду. Въ старой Россіи не было досагочнаго уваженія къ чело-вѣку, къ чело-вѣческой личности. Но сейчасъ этого уваженія еще меньше. Въ цѣлыхъ классахъ общества отрицается чело-вѣкъ, не уважается личность, по отношенію къ классамъ общества, признаннымъ революціей отверженными, совершается духовное чело-вѣкоубійство, которое легко переходитъ въ чело-вѣкоубійство физическое. Единство чело-вѣческаго рода отрицается въ бо-льшей степени, чѣмъ во времена рабства. И во времена рабства и крѣпостного права привилегированные христіане все же видѣли въ рабахъ и крѣпостныхъ чело-вѣка, образъ и подобіе Божье, т.-е. на какой то глубинѣ преодолевали всѣ сословныя и классовыя противоположности и преграды. Ничѣмъ инее же яростное и злобное дѣленіе на міръ «буржуазный» и міръ «социалистическій» есть окончательная измѣна христіанству и окончательное отрицаніе чело-вѣчества, какъ единаго рода Божьяго. Въ этомъ можно видѣть тяжкую расплату за старыя грѣхи, за старую познь и неправду, но безумно видѣть въ этомъ что то новое, творческое, преобразующее жизнь. Судорожный и уродливый конецъ ветхаго чело-вѣка нельзя принимать за начало новой, лучшей жизни.

«Большевизмъ» господствовалъ съ самаго начала «революціи» и въ нынѣшнемъ торжествѣ его нѣтъ ничего новаго. Все «развитіе и углубленіе революціи» шло по указкѣ «большевиковъ», вдохновлялось ихъ духомъ, если это можно назвать духомъ, постепенно принимало провозглашенныя ими начала. Другія революціонно-социалистическія партіи, меньшевики и социалисты-революціонеры, шли на буксирѣ у «большевиковъ», они были менѣ послѣдовательны и тотъ же ядъ былъ у нихъ лишь менѣ сгущенъ и сконцентрированъ. Никогда меньшевики и социалисты-революціонеры не могли рѣшительно и радикально возстать противъ «большевиковъ», потому что «большевики» были для нихъ людьми одной вѣры, быть можетъ грѣшниками, но не еретиками. Правовѣрные не сжигаютъ грѣшниковъ на кострахъ, они сжигаютъ лишь еретиковъ. Но для всякаго социаль-демократа и социалиста-революціонера, какъ бы онъ ни отрицалъ большевистскую тактику, еретики—зсѣ не социалисты по вѣрѣ, всѣ не вѣрующіе въ социалистическую революцію и социалистическое счастье. И въ побѣдѣ «большевиковъ» надъ другими социалистическими группами есть имманентная справедливость, это—естественная кара за ихъ собственные грѣхи. Болѣзнь должна развиваться до конца, должна быть изжита въ своихъ крайнихъ послѣдствіяхъ. Почему произошелъ такой разливъ «большевизма» по всей русской землѣ, почему ему досталась такая легкая побѣда? Это прежде всего связано съ войной. «Большевизмъ» есть линія наименьшаго сопротивленія для естественныхъ и элементарныхъ инстинктовъ всякой темной, непро-свѣтленной чело-вѣческой природы. «Большевиками» на время сдѣлались всѣ тѣ, которые не хотѣли воевать, не хотѣли ничѣмъ жертвовать, но хотѣли какъ можно больше получить. То, что называется русской «революціей» и что сейчасъ завершается, имѣетъ одинъ-

постыдный и горестный для насъ смыслъ: русскій народъ не выдержалъ великаго испытанія войны, въ страшный часъ міровой борьбы онъ ослабѣлъ и началъ разлагаться. Онъ духовно не былъ готовъ къ міровой борьбѣ, онъ потерялъ всякую идею этой войны. А безъ великой идеи нельзя идти на жертвы и страданія. Кровавая братоубійственная борьба на улицахъ Москвы есть лишь эпизодъ міровой войны. Одолѣлъ германскій ядъ.

Мораль же, которой обучаетъ русская «революція», довольно проста и элементарна, хотя и горька для насъ. Необходимо растаться съ многими русскими иллюзіями, славянофильскими, народническими, толстовскими, возвышенно-анархическими, революціонно-мессіанскими и пр., и пр. Необходимо покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества, правду культуры, суровую правду закона и нормы. Народъ русскій потерялъ вѣру, измѣнилъ вѣчной святинѣ, а цивилизаціи не имѣетъ, культурѣ чуждъ. И намъ необходимо долгій трудъ цивилизаціи, въ которой есть своя секуляризованная религиозная правда. Необходимо вновь собирать Россію. Великія испытанія подтверждаютъ правду Чаадаева, а не славянофиловъ. Сейчасъ мы переживаемъ періодъ глубокаго нравственнаго и духовнаго паденія. Даже въ культурномъ нашемъ слоѣ многие такъ низко пали,

что поддались всеобщему гипнозу и повѣрили тому невѣжественному вздору, что сейчасъ происходитъ послѣднее столкновение классовыхъ интересовъ, послѣдняя борьба народа съ буржуазіей. Когда русскіе люди очнутся отъ гипноза и духовно отрезвятся, они поймутъ, что всякая великая борьба въ мірѣ есть духовная борьба, столкновение разныхъ духовъ, противоборство разныхъ идей. Къ сожалѣнію приходится признать, что «буржуазность» сейчасъ означаетъ элементарную культурность. Въ низахъ русской жизни—первозданная тьма, тамъ все элементарно, все еще въ первобытномъ прошломъ. На верхахъ же духовной жизни происходитъ столкновение разныхъ духовъ и идей, тамъ діаволъ съ Богомъ борется. Въ серединѣ борьба воспринимается, какъ столкновение міра «буржуазнаго» и міра «соціалистическаго». Но оба эти міра стоятъ на одной почвѣ и вдохновляются однимъ духомъ земнымъ. Горная, духовная борьба сложно вплетается въ эту серединную матеріальную борьбу и изъ этого серединнаго смѣшенія необходимо выдѣлится высшія и чистыя духовныя начала и ихъ противопоставить торжествующей тьмѣ и торжествующему хамству; но и самая высшая духовная борьба въ серединномъ царствѣ должна проявить себя, какъ борьба за творчество культуры въ объявленной насъ тьмѣ.

Николай Бердяевъ.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

Георгій Чулковъ. Листки изъ дневника.

I.

Онъ лежалъ въ грязи, широко раскинувъ руки. Полуоткрытый ротъ съ бѣлыми губами, вздернутый носъ, чуть приподнятыя брови и рыжіе вихры на головѣ—и такое беспомощно-дѣтское, удивленно-наивное выраженіе лица.

Этого семнадцатилѣтняго красногвардейца убили, когда онъ вмѣстѣ съ такими же юнцами и солдатами, ошалѣвшими отъ безпорядка, отъ хмельныхъ и дикихъ агитаторовъ, отъ мучительнаго страха передъ упорной и трудной войной, осаждалъ и бралъ Московскую думу социалистическую, выбранную всеобщимъ голосованіемъ.

Подошла старушка, сморщенная, высохшая, «живая мощи», и, не обращая вниманія на спящую вокругъ безтолковую толпу, стала креститься, бормоча молитвы. Потомъ вытщила сухенькими пальцами старый кошелекъ и положила полтинникъ на грудь покойнику—на поминъ души.

Старушка—мудрая. А мы? Мы, глупые, бранимъ большевиковъ, смѣемся надъ ними и вотъ ждемъ, что ночью придетъ банда этихъ самыхъ большевиковъ и отниметъ у насъ наши книги, изорветъ штыками картины и, можетъ быть, оскорбитъ мать и напугаетъ смертельно дѣтей.

Не бранить ихъ надо, а пожалѣть. Несчастные! Всѣ эти безусые парни и бородатые мужики, вчера еще убѣжденные въ томъ, что «всякая власть отъ Бога», узнали вдругъ, что власти нѣтъ никакой, потому что и Бога вовсе нѣтъ. Какъ имъ было не ошалѣть отъ этой соблазнительнѣйшей мысли, какъ

имъ было не броситься тотчасъ же на штыки и подъ пули: немедленно рай на землѣ и вѣчный миръ, а въ Бога пусть вѣрятъ бабушка. Бабушку не обучилъ атеизму вертлявый международный господинъ, въ три недѣли разоблачившій передъ многолюдной аудиторіей «реакціонную сущность» христіанства. Курносаго парня международный человекъ успѣлъ обучить веселому своему безбожію.

Нѣтъ, глупый парень не виноватъ. Виноваты всѣ мы, интеллигенты, прямо и косвенно поддерживавшіе нигилистическую пропаганду въ народѣ.

Теперь всѣ и вездѣ, даже въ газетѣ «Трудъ», пишутъ о поруганныхъ народныхъ святыхъ. Но, вѣдь, дѣло не въ разрушенныхъ памятникахъ старины. Это всякій понимаетъ. Дѣло въ чемъ то иномъ, болѣе глубокомъ,—въ святыхъ нашего сердца, въ чувствѣ ответственности передъ родиною и міромъ, въ убѣжденіи, что не единымъ хлѣбомъ живъ человекъ. Вотъ эти святые нашего сердца поруганы и оскорблены.

Русскій человекъ не признаетъ половинчатости и середины. Или Христосъ, подвигъ, пламеннѣйшая вѣра и жажда Царства Божія,—или безудержный нигилизмъ, атеизмъ, прямой разбой и предѣльный развратъ. Европейцы при своемъ атеизмѣ ухитрились построить крѣпкую государственность, вѣроятно, потому, что атеизмъ ихній не до конца ими былъ воспринятъ; крѣмъ того они соорудили себѣ не безъ восторга немало идоловъ—культура, нація, прогрессъ и такъ далѣе. Мы этими идолами не соблазнились, что, конечно, нехудо, по, къ сожалѣнію, отказавшись отъ этихъ началъ, какъ идоловъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не приняли ихъ вовсе, несмотря на безспорное ихъ положительное прагматическое значеніе для народа.

Только безудержным нашим нигилизмом и нашим отчаянием, доведенным до сладострастия, можно объяснить—пусть кратковременное, но все же явное и как будто реальное пребывание у власти таких господ, как безызыскный коммивояжер, скомпрометированный близостью с врагами России, и всей этой банды вчерашних приставов, провокаторов, воров и черносотенных погромщиков.

Боже мой! Несчастливая Россия! Ты свергла самодержавие и послѣ восьми мѣсяцевъ безумнаго «углубленія» революции обрѣла его вновь въ лицѣ какого то искателя приключеній. Во-истину, дьяволъ издѣвается надъ тобою, родина.

Но вотъ что удивительно: даже въ этотъ часъ послѣдняго позора и паденія цѣлая фаланга нашей интеллигенціи продолжаютъ твердить свои тупенькія трафаретныя слова о соглашательствѣ, дробятся на партіи, партіи дробятся еще на что то и въ этомъ бедламѣ не замѣчаютъ вовсе, что судьба Россіи зависитъ теперь отъ постороннихъ ей и внѣшнихъ силъ, а никакъ не отъ политиковъ нѣста какихъ-нибудь перманентныхъ революціонеровъ.

Но особенно смѣшны и противны, на мой вкусъ, не эти люди, ослѣпленные подпольными своими доктринами, а тѣ господа интеллигенты, которые благополучно процвѣтали при старомъ порядкѣ, ничѣмъ не жертвуя, а теперь вдругъ оказались весьма строгими оцѣнщиками политической «правизны» и «лѣвизны». Гдѣ они были и что дѣлали, когда Россію душили и развращали самодержавные бюрократы? Вчера еще благодусные обыватели они превращаются нынѣ въ Робеспьеровъ и Лассалей, не замѣчая того, что теперь не до этого политическаго маскарада, ибо горитъ со всѣхъ четырехъ угловъ домъ, куда собрались маски на свой бѣсовскій балъ.

Передо мною проходитъ какая-то нелѣпая процессія всѣхъ этихъ обывателей, поспѣвшихъ надѣть себѣ на головы красныя колпаки севсѣмъ какъ Людовикъ XVI о требованіи насмѣшливыхъ санкюлотовъ.

Нѣтъ, ей-Богу настояще большіе евреи все-таки лучше, чѣмъ эти социалисты «на всякій случай».

Теперь всѣ лежатъ на брюхѣ передъ новымъ, самодержцемъ всея Россіи, а восемь мѣсяцевъ назадъ всѣ эти господа чувствовали себя въ ветхомъ бюрократическомъ государствѣ нашемъ, какъ рыбы въ водѣ; теперь всѣ они спѣшатъ заподозрить каждаго, кто защищаетъ достоинство, цѣльность и свободу Россіи, въ буржуазности и еще чортъ знаетъ въ чѣмъ; вчерашніе рабы и политическіе невѣжды корчатъ изъ себя социалистовъ и народолюбцевъ, заискивая у новой власти съ противною торопливостію.

Я не осуждаю несчастныхъ темныхъ безмѣрно утомленныхъ войною мужиковъ нашихъ, одѣтыхъ въ солдатскія шинели. Ихъ обманули, соблазнили и развратили международные безстыдники подъ видомъ социализма, работавшіе на мерзостную прусскую реакцію. Но трусливыхъ и малодушныхъ интеллигентовъ, которые не смѣютъ возвысить голоса, когда гибнетъ великая Россія, какъ и чѣмъ оправдать. Вѣроятно, мы скоро увидимъ этихъ господъ въ новыхъ маскахъ. Уже бѣгутъ крысы съ большевистскаго корабля. Уже Максимъ Горькій, редакторъ «Новой Жизни», развращающей на фронтѣ солдатъ изо дня въ день, теперь спохватился и вопить о насильникахъ-большевикахъ. За Максимомъ Горькимъ потянутся скоро и прочіе его сотрудники.

Не поздно ли будетъ?

А если Россія суждено одолѣть свой недугъ и воскреснуть, не отгнется ли она отъ этихъ своихъ дѣтей-предателей, покинувшихъ ее въ страшный часъ испытанія и смертельной опасности?

II.

Я родился въ Москвѣ, учился въ Московскомъ Университетѣ, сидѣлъ въ московскихъ тюрьмахъ; для меня нечужіе эти камни, старые особняки на Пречистенкѣ, кривые и горбатые переулки, безсмертная старушка съ голубями у Василя Блаженнаго, бѣлыя стѣны Новодѣвичьяго монастыря...

Но когда я брожу теперь по улицамъ и вижу разбитыя стѣны университета, искалѣченную кремлевскую башню, сожженные до тла дома, я не о томъ жалѣю, что погибли какія-то цѣнности, а жалѣю тѣхъ, кто натворилъ этихъ бѣдъ.

Кто они? Вѣдь, въ началѣ семнадцатаго вѣка ихъ предки были такіе же темные и неграмотные. Но, вѣдь, они чувствовали исторію, ея смыслъ, единство Россіи и спасли въ концѣ-концовъ гибнущую родину. И спустя двѣсти лѣтъ опять при новомъ испытаніи въ безправныхъ крѣпостныхъ мужикахъ проснулось чувство гражданскаго и національнаго долга. И опять эти мужики отстояли Россію. А теперь, когда у насъ есть Пушкинъ и Достоевскій, когда у насъ есть сокровища, какихъ нѣтъ въ цивилизованнѣйшей Европѣ, мы своими руками родемъ могилу Россіи и толкаемъ несчастную въ темную яму.

Что это значитъ? Какими надо быть слѣпцами, чтобы не видѣть красноглазыхъ бѣсовъ, пирующихъ нынѣ на развалинахъ Россіи. Для многихъ моихъ читателей—бѣсы не болѣе какъ аллегорія, я полагаю. И, быть можетъ, въ этомъ интеллигентскомъ недалековидномъ скептицизмѣ все наше несчастье. Чортъ—реальность, и его надо бояться и надо съ нимъ бороться и его побѣждать.

Мы отвлечены до постыдности, до неумности. И съ отелеченными и внѣшними словами приходимъ къ народу. Вотъ почему онъ предпочитаетъ грубѣйшій и безстыднѣйшій реализмъ большевиковъ. Тамъ, у большевиковъ, дѣло ясное.

Внѣшнему и грязному реализму большевиковъ надо противопоставить иной реализмъ, глубокой и таинственный, какой всегда былъ нечуждъ русскому народу.

Отвлеченными гуманитарными формулами по типу французской—«свобода, равенство и братство»—не увлечешь народа. Вотъ почему провалилось наше либеральное Временное Правительство, при первомъ же своемъ выступленіи обнаружившее свою духовную оторванность отъ народа. Не нашли языка. Не поняли, гдѣ бѣсы и въ комъ. И не посмѣли сказать: за вѣру и родину!

И жизнь жестоко отомстила за эту трусливую отвлеченность. Позоръ нашъ ужасенъ, развалъ нашъ страшенъ. Но почему то на этомъ же листкѣ дневника мнѣ хочется написать еще одно слово: *надежда*. Не боясь противорѣчій, долженъ признаться: гдѣ-то въ глубинѣ души у меня горитъ надежда, что Россія не погибнетъ, несмотря ни на что. Разумомъ, знаю, этой надежды не оправдаешь, но сердце чувствуетъ: пришелъ послѣдній часъ бѣсовскаго шабаша.

Въ субботу еще стрѣляли то здѣсь, то тамъ шальныея

ружья, и даже—я слышал—забарабанилъ пулеметь, а по Левшинскому переулку, не обращая вниманія на выстрѣлы, шли люди ко всенощной. Звонили колокола.

Слушая колокольный звонъ и глядя на этихъ строгихъ людей, неторопливо входившихъ въ церковь, я почувствовалъ, что исторія Россіи еще не кончилась.

А сегодня я прочелъ въ газетахъ, что подъ Петроградомъ во время гражданской войны, нашлись люди, которые не стали ни на одну изъ борющихся сторонъ. И однако они не боялись смерти и шли съ молитвами подъ выстрѣлами, поднимая крестъ. И нашлся священникъ, который обратился къ безумнымъ со словомъ увѣщанія. Его истязали и убили. Кровь мученика спасетъ Россію.

III.

Я поставилъ точку, но вотъ передо мною корректура статьи Н. А. Бердяева, которую мы печатаемъ въ этомъ же номерѣ «Народоправства», и мнѣ хочется написать еще нѣсколько словъ на листкахъ моего дневника по вопросу, который съ такою остротою, страстностью и опредѣленностью ставитъ Бердяевъ: да была ли у насъ революція въ самомъ дѣлѣ? Прямолинейный отвѣтъ Н. А. Бердяева разителенъ и страшенъ. Доводы его и убѣдительны, и сблзнительны. Но съ выводами его я не могу и не хочу согласиться.

То, что происходитъ у насъ сейчасъ, это, конечно, самая подлинная и мрачная контръ-революція, не имѣющая ничего общаго ни съ социализмомъ, ни даже съ демократизмомъ. И тѣмъ не менѣе въ мартовскіе дни революція у насъ была, и дѣло ея сдѣлано, и какимъ бы испытаніямъ страшнымъ не подверглась въ будущемъ наша родина, великій подвигъ народа не умалится и не потускнѣетъ.

Какъ это измѣрить, опредѣлить и доказать? Логика, философія, исторія—все безсильно и немощно передъ нашимъ непосредственнымъ чувствомъ живой и сложной дѣйствительности. Надо, что бы глаза наши открылись какъ-то по иному. Это психе же на то какъ смотришь иногда на какую-нибудь фреску стараго мастера и не видишь въ ней ничего, кромѣ запутаннаго рисунка и неожиданныхъ красокъ, но пройдутъ дни, и вдругъ обрѣтешь въ душѣ, припоминая, новое пониманіе чего то важнаго въ неразгаданной живо-

писи и сразу увидишь въ ней прекрасное, чего раньше не видалъ.

Такъ и наша революція. Мы слишкомъ близко стоимъ къ ней, чтобы сразу найти нужную для оцѣнки ея точку зрѣнія. Красныя маски, которыя мелькаютъ передъ нами, мѣшаютъ намъ видѣть лицо народа. Но вовсе не надо быть сантиментальнымъ народникомъ, творящимъ идола изъ народа, чтобы защищать его отъ жестокаго осужденія за безумія нашихъ дней. Я не могу отдѣлать отъ народа ни св. Сергѣя, ни Пушкина, ни Достоевскаго, ни Петра Великаго, и если я не сомнѣваюсь въ геніальности духовныхъ вождей націи, какъ я могу заподозрить въ измѣнѣ гесь народъ: вѣдь, наши святые, пророки и поэты не только вожатаи наши на путяхъ исторіи, но и дѣти, сыны народа прежде всего. Они плоть отъ плоти націи. А признать нашу революцію только случайною катастрофою или пьянымъ дѣломъ взбунтовавшихся рабовъ—не значить ли обвинить весь народъ въ самой низкой измѣнѣ непреходящей правдѣ? Въ статьѣ Н. А. Бердяева нѣтъ, впрочемъ, такого прямого обвиненія народа. Да и вообще Н. А. Бердяевъ судитъ и обвиняетъ народъ отчасти по-чаадаевски, любя народъ безмѣрно. И все же я чувствую въ себѣ существомъ моимъ, что въ его оцѣнкѣ нашей революціи есть какая-то ошибка или несправедливость.

Можно вообще отрицать положительное значеніе революціи, клонящейся къ утвержденію самодержавія народа, ибо всякое самодержавіе начало безбожное и антихристово, но нельзя не видѣть, что въ революціи, въ ея первоисточникѣ, есть и другое начало—порывъ къ свободѣ, духъ мятежный, но праведный, «демонъ свѣтлый».

Пусть безкрылъ человекъ и невысокъ его полетъ, и падаетъ онъ низко, но безъ этихъ взлетовъ и паденій не было бы исторіи, и жизнь человечества была бы пустынею. А исторія не должна быть пустынею, ибо есть въ ней смыслъ. И русская революція была, и смыслъ ея не менѣе значителенъ, чѣмъ смыслъ Великой Французской Революціи, хотя иные участники ея, какъ мы теперь, пораженные разваломъ арміи, измѣною вождей, злобою черни и неистовствомъ якобинцевъ, не могли разгадать ея тайны.

Георгіи Чулковъ.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И НАРОДЪ.

Статья В. Быстренина.

I.

Разсказываютъ, что министр-предсѣдатель Керенскій, характеризуя трудность его отвѣтственной работы, какъ-то сказалъ:

«Если я иду налѣво,—остаюсь съ арміей, но безъ штаба; если иду направо—остаюсь со штабомъ, но безъ арміи...»

Тутъ, въ этихъ немногихъ словахъ сконцентрировался весь ужасъ разрыва между интеллигенціей и народомъ, оставленнаго въ наслѣдіе Россіи царскимъ режимомъ и обостреннаго и углубленнаго режимомъ революціоннымъ.

Казалось, что послѣ неудачной революціи 1905 г. безудержный разгулъ черной реакціи вскрылъ предъ общественнымъ сознаніемъ историческія ошибки рус-

ской интеллигенціи и ложность методовъ, которыми она руководствовалась въ жизненномъ строительствѣ. Въ эти дни безнадежности и унынія интеллигенція сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сознала свою оторванность отъ народа, свое отщепенство отъ народныхъ святынь. Съ безпредѣльнымъ ужасомъ заглянула она въ пропасть, вырытую двумя вѣками беспочвеннаго блужданія, и ощутила острую потребность воссоединиться съ народомъ.

Еще въ періодъ, предшествовавшій освободительному движенію и революціи 1905 г. уже народилось,— правда, еще смутное,—сознаніе, что интеллигенція и народъ—незнакомцы, гсворящіе на разныхъ языкахъ, и потому непонимающіе другъ друга, незнакомцы, пути которыхъ разошлись въ противопо-

ложныя стороны. На минуту въ вихрѣ революции показалось, что общій языкъ и общій путь найдены,— но эта общность оказалась миражемъ, фикціей, потонувшими въ дикомъ разгулѣ низменныхъ инстинктовъ и безшабашнаго хулиганства.

Русскій интеллигентъ затосковалъ еще сильнѣе и сталъ искать затерянныхъ и позабытыхъ путей къ соединенію съ народомъ. Явились попытки вновь воскресить старую тенденцію преклоненія предъ народомъ. Обветшавшая и потерявшая яркость красокъ формула былого народничества была извлечена изъ-подъ обломковъ разбитыхъ надеждъ, изъ-подъ груды разочарованій и, въ подновленномъ видѣ, пущена въ оборотъ. «Ты еси единъ богъ, творящій чудеса», воскликнулъ интеллигентъ, обращаясь къ народу. Но и эта взвинченная на высочайшій діапазонъ формула оказалась столь же мало удовлетворяющей жгучую потребность возстановить порванную связь, какъ и прежнія народническія формулы. Чтобы увѣрять въ народъ, какъ въ единаго, творящаго чудеса Бога, интеллигенту все-таки пришлось признать прежде всего свою *отдѣльность* отъ народа, пришлось идейно произвести, такъ сказать, нѣкоторую вивисекцію надъ цѣлостнымъ народнымъ организмомъ, разсѣчь его на части и себя признать стоящимъ *вне народа*. Народопоклонничество, обоженіе народа не засыпало пропасти между нимъ и интеллигенціей, но еще болѣе углубляло ее. Конечно, имъ какъ будто устанавливалась нѣкоторая связь между объектомъ поклоненія и поклоняющимся, но связь чисто формальная: вѣдь и обоготвореніе какого-нибудь римскаго кесаря такъ же давало иллюзію связи между нимъ и его подданными, что не мѣшало и кесарю и народу ясно сознавать и чувствовать наличность непреходимой пропасти между ними...

И едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такая, разъ потерпѣвшая неудачу, попытка сліянія интеллигенціи съ народомъ и впредь не можетъ имѣть успѣха, такъ какъ въ основаніи ея лежитъ раздѣленіе: одна часть народа призывается къ преклоненію предъ другой частью... А народъ, какъ мистически-цѣлостный организмъ, расчлененъ быть не можетъ, не переставъ быть самимъ собою. То, что наблюдается въ историческомъ процессѣ человѣческой культуры: дѣленіе на классы и сословныя группы, взаимная борьба между ними, угнетеніе однихъ другими,—суть явленія ненормальныя, въ конечномъ счетѣ приводящія къ гибели народовъ и ихъ культуръ, и ни въ какомъ случаѣ они не могутъ быть разсматриваемы, какъ должное состояніе человѣчества. Въ существѣ своемъ всѣ народы стремятся къ единству, къ конечному и полному слітію въ одинъ недѣлимый организмъ, и понятно, что такому процессу враждебно всякое расчлененіе народа на части, при которомъ одна часть народа обоготворяетъ другую, ибо расчлененный народъ перестаетъ уже быть народомъ, и превращается въ случайный агломератъ отдѣльныхъ социальныхъ классовъ или группъ: народа въ такомъ агломератѣ нѣтъ и быть не можетъ...

Отдѣливъ себя, нераздѣльную часть народа, отъ народа, интеллигентъ въ экстазѣ восклицаетъ: «такъ вѣрую и исповѣдую», но внутри его не перестаетъ шевелиться червь сомнѣнія, угадывается фальшь такого исповѣданія. Тамъ, гдѣ-то, какая-то сѣрая, безформенная масса,—масса обезглавленная, ибо какъ ни какъ, а интеллигентъ хотя бы и не хотѣлъ того,

не можетъ не сознавать, что онъ—мозгъ народа, носитель его интеллекта; здѣсь—онъ, одинокій, и рядомъ съ нимъ такіе же, какъ и онъ, одинокіе, тоскующіе о утерянномъ, разрушенномъ единствѣ...

Это не одиночество пустыни, гдѣ аскетъ всѣми фибрами своего просвѣтленнаго существа чувствуетъ неразрывную связь свою съ Богомъ и космосомъ, гдѣ онъ благодушно благословляетъ

«...въ полѣ каждую былинку
И въ небѣ каждую звѣзду».

Нѣтъ, это самый худшій, самый ужасный видъ одиночества: одиночество среди толпы такихъ же одинокихъ. Можно, конечно, преклониться предъ идоломъ-народомъ, можно приносить этому далекому и чуждому фетишу жертвы, можно въ молитвенномъ экстазѣ исходить передъ нимъ слезами, но одиночество отъ того не станетъ менѣе тягостнымъ, душа не перестанетъ томиться имъ и жаждать возстановленія порванной связи, не перестанетъ искать хотя бы суррогатовъ ея, чтобы хоть на время заглушить нестерпимую тоску одиночества...

Или армія безъ штаба, или штабъ безъ арміи,— это удѣлъ современнаго интеллигента, его тяжкое проклятіе за великій грѣхъ отрыва отъ народной святыни...

II.

Отъединившись отъ народа и утративъ чувство органической связи съ нимъ, интеллигенція не могла конечно примириться съ зіяющей пустотой вокругъ себя, не могла не попытаться такъ или иначе заполнить ее. Какъ передовая часть націи, какъ выразительница ея чаяній, интеллигенція, оторвавшись отъ питающаго и взростившаго ее корня, не могла не сознавать, что ей угрожаетъ распыленіе, отъ котораго до нѣкоторой степени можетъ охранить ее сплоченіе въ тѣсныя группы, объединенныя общими идеалами и единствомъ воли. На смѣну органическаго сознанія единства съ народомъ, неразрывной связи съ нимъ, явилась диктатура партійной дисциплины и партійной идеологии. «Мы» и «народъ» явились двумя отдѣльными частями. Все равно: «мы»—слуги народа, обязанные все отдать ему, или же «мы»—господа, призванные властвовать надъ народомъ,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ «мы» противопоставляется народу, признается какъ нѣчто органически обособленное отъ него.

Это—явленіе повѣйшаго времени, не знакомое не только древнему міру, но даже и болѣе близкимъ намъ эпохамъ. Римскій патрицій не могъ бы понять своего существованія, какъ противоположности городу Риму; еврейскій пророкъ еще менѣе могъ бы представить себя внѣ еврейскаго народа; Павелъ, этотъ еврей изъ евреевъ, будучи апостоломъ языковъ, чувствовалъ себя органически связаннымъ съ израилемъ; Пушкинъ, Толстой, Достоевскій, декабристы, такъ называемые люди сороковыхъ годовъ—всѣ они черпали силу въ сознаніи своей связи съ народомъ, въ живомъ ощущеніи національности. Это не было въ нихъ узкимъ национализмомъ, головнымъ, выдуманномъ чувствомъ: мечта о всечеловѣчности, о всеединствѣ людей у нихъ прямо и непосредственно вытекала изъ живого чувства національности. Владиміръ Соловьевъ всю жизнь горѣлъ мечтой о соединеніи церковью, какъ о краеугольномъ камнѣ всечеловѣческаго соединенія,— и это именно потому, что онъ въ высочайшей степени ощущалъ свою связь съ народомъ, съ націей.

Петербургскій періодъ русской исторіи оторвалъ верхній слой общества—интеллигенцію—отъ народа, вытравилъ изъ ея сознанія чувство единства съ народомъ, мѣсто котораго заняли искусственныя группировки—сословныя, классовыя и—позже—партийныя. Но замѣнить собою единства съ народомъ эти группировки не могутъ, и въ сознаніи—по крайней мѣрѣ верховъ интеллигенціи—всегда живетъ мечта о восстановленіи порванной связи и дѣлаются попытки такъ или иначе воссоединиться съ народомъ.

Мы не будемъ дѣлать экскурсовъ въ область прошлаго: исторія народничества достаточно извѣстна,— и потому остановимся лишь на позднѣйшихъ попыткахъ интеллигенціи вернуться въ лоно народа. Нужно признать, что какъ народничество, такъ и современныя попытки обоготворить народъ имѣютъ, разумѣется, нѣкоторое культурное значеніе въ смыслѣ воспитанія новыхъ идей, но какъ прежде, такъ и теперь, народъ въ интеллигентской идеологии является не живымъ мистическимъ организмомъ, но безплотной категоріей, одной изъ алгебраическихъ формулъ, формой словеснаго обобщенія. Если для римлянина народъ былъ все, что обладаетъ гражданскими правами, для еврея—потомки Авраама, для Павла—всѣ вѣрующіе во Христа воскресшаго, то вѣдь все это реальности, воспринимаемыя сознаніемъ и чувствомъ. Но что такое народъ въ современной интеллигентской идеологии? Гдѣ основные положительные признаки его органичности, по которымъ мы могли бы ясно и опредѣленно осознать его реальность? Такихъ признаковъ явлено не имѣется. Уже одно то, что интеллигенція противопоставляетъ себя народу, показываетъ крайнюю шаткость ея идеологии, ибо это противопоставленіе разрушаетъ цѣлостность народнаго организма, его недѣлимость, единство, столь живо ощущаемыя и римляниномъ, и евреемъ, и Достоевскимъ, и Владимиромъ Соловьевымъ.

Неладность этой идеологии можетъ быть еще достаточно оцѣнена интеллигенціей, въ средѣ которой всѣ попытки дать болѣе или менѣе точное опредѣленіе понятія «народъ» до сихъ поръ не могутъ объединить вокругъ себя всю интеллигенцію, и только родятъ въ интеллигентской средѣ расколы, дробленіе на партіи и кружки взаимно враждующіе и непримиримыя. И чѣмъ ближе соприкасаются между собою эти кружки, тѣмъ болѣе рѣзко обнаруживается ихъ антагонизмъ. Стоитъ только припомнить вражду большевистскаго и меньшевистскаго теченій въ социаль-демократической партіи, или вообще распаденіе социализма на десятки толковъ, враждующихъ между собою, чтобы ясно увидѣть интеллигентскій разбродъ.

При наличности разрыва интеллигенціи съ народомъ возникновеніе интеллигентской кружковщины неизбежно, какъ суррогата подлинной общественности, и до извѣстной степени оно можетъ быть даже оправдано съ точки зрѣнія высшаго разума. Являясь ассоціаціей людей съ одинаковымъ міропониманіемъ, интеллигентскій кружокъ или партія содѣйствуетъ тому, чтобы положительныя и отрицательныя стороны этого міропониманія выявились съ возможно большей полнотой, безъ чего, конечно, невозможно опредѣлить дѣйствительную его цѣнность. Но если объединеніе интеллигентовъ въ партіи съ одной стороны проясняетъ общественное сознаніе, то, съ другой, такъ называемая *партийная дисциплина*, ограничивая свободу мнѣній, создаетъ неизбежно узость взглядовъ

и сужденій, приводя къ тому, что тактическія задачи становятся самоцѣлью, исчерпывающей весь смыслъ бытія той или иной партіи. Вращаясь въ узкомъ кругѣ опредѣленныхъ и застывшихъ догматическихъ понятій, интеллигентъ, волей не-волей, теряетъ способность критической провѣрки, и, что еще хуже, утрачиваетъ чувство личной отвѣтственности, которое замѣняется пассивнымъ подчиненіемъ волѣ партійнаго большинства. Что именно на этомъ подчиненіи зиждется вся жизнь партій, объ этомъ едва ли надо много говорить. Воля партійнаго, часто совершенно случайнаго, большинства признается, какъ воля «народа»,— явленіе слишкомъ обычное и, считаемъ нужнымъ говорить, въ большинствѣ случаевъ представляющее собою вполне добросовѣстное заблужденіе.

Мы не будемъ говорить о дѣйствіяхъ явно недобросовѣстныхъ, провокаціонныхъ, о сознательной поддѣлкѣ общественнаго мнѣнія, такъ какъ злоупотребленія могутъ имѣть мѣсто вездѣ, и не они, конечно, даютъ тонъ партійной жизни. Но *самогипнозъ* явленіе столь обычное въ жизни партій, что о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ одной изъ книжекъ журналу за 1907 г. г. Сомовъ, вспоминая социаль-демократическое движеніе 1905 г., между прочимъ замѣчаетъ: «Картина получилась крайне печальная. Въ Нарвскомъ районѣ съ его 30.000 рабочихъ, вся социаль-демократическая организація состояла изъ 6—7 кружковъ рабочихъ путиловскаго и вагоностроительнаго заводовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было по 5—6 человекъ рабочихъ».

Только... Значитъ, эти 30—40 человекъ создавали иллюзію того, всѣмъ, конечно, памятнаго настроенія «революціоннаго пролетаріата», которое кошмаромъ висѣло въ воздухѣ и такъ или иначе отражалось на событіяхъ общественно-политической жизни. Получалось нѣчто похожее на то, какъ дѣти, пугая друга друга «букой», въ концѣ концовъ сами увѣрують въ реальность этого «буки». Эти 30—40 человекъ, группировавшіеся въ кружкахъ социаль-демократическихъ организацій, можетъ быть, хоть что-нибудь да понимали въ тонкостяхъ эсдековской догматики,—но при чемъ же тутъ остальные-то тридцать тысячъ, именемъ которыхъ кружки орудовали? Да и 30—40 человекъ, о которыхъ упоминаетъ г. Сомовъ, могли ли сознательно быть отвѣтственными за дѣйствія кружковъ? Не прикрывались ли они фетишемъ «партіи»?

Лѣтомъ настоящаго года въ пензенскомъ офиціозѣ эсерсвъ было напечатано воззваніе къ «товарищамъ» эсерамъ, приглашающее ихъ поспѣшить съ уплатой членскаго взноса въ одинъ рубль. Въ воззваніи говорилось, что партія въ предѣлахъ губерніи имѣетъ десять тысячъ членовъ, а взносы поступили только отъ... пятисотъ. Гдѣ же эти девять съ половиной тысячъ? Не пугаютъ ли эсеры другихъ многочисленностью своей партіи, и не впадаютъ ли они въ самообманъ, наподобіе пресловутаго союза истинно русскихъ людей, который считалъ своихъ членовъ милліонами?

III.

Отсюда—или штабъ безъ арміи, или армія безъ штаба.

Въ данный моментъ социалисты-революціонеры хвалятся, и могутъ хвалиться, что, являясь своеобразнымъ «штабомъ», они располагаютъ и многомилліонной арміей крестьянъ-общинниковъ, значительная часть

которых теперь носить солдатскую шинель. Но въ данномъ случаѣ единеніе «штаба» и «арміи» куплено цѣною государственнаго экономическаго и духовнаго развала. Эсеры бросили въ крестьянскую массу отвѣтственный лозунгъ: «Земля и воля», и тѣмъ «купили» для своей партіи благорасположеніе русской деревни. Мы утверждаемъ, что въ современной интерпретаціи лозунгъ «земля и воля» имѣетъ подлинно опасный характеръ, и благодаря ему въ деревнѣ сейчасъ совершается страшный развалъ: гибнуть не только культурныя помѣщицкія хозяйства, разоряются многіе миллионы крестьянъ-собственниковъ, имущество которыхъ разграбляется взвинченными эсеровской агитаціей крестьянами-общинниками.

Такъ что и тутъ единеніе «штаба» и «арміи» только кажущееся. Это единеніе расколело крестьянство на два враждующіе лагеря и несомнѣнно укрѣпило позицію реакціонеровъ. Города голодаютъ, потому что крестьянство, — именно крестьянство общинное, не желаетъ давать городамъ хлѣба. Оно не только не вывозитъ свой хлѣбъ на рынки, но ставитъ всевозможныя препятствія, до употребленія физическаго насилія, къ вывозу хлѣба крестьянами хуторянами и помѣщиками. Чтобы купить благорасположеніе крестьянства эсеры всемѣрно внушали ему, что оно, и только оно является единственнымъ «хозяиномъ» русской земли, что его воля—все, что нѣтъ препятствій, которыя оно не одолѣло бы своей массой, и т. д. Такое же воздѣйствіе было оказано ими и на городскія низы: — на рабочихъ, ремесленниковъ, чернорабочихъ, прислугу. На партійномъ жаргонѣ это называется создавать организованную демократію, — и въ результатѣ, партія, имѣющая основнымъ лозунгомъ «земля и воля», обладающимъ магическимъ вліяніемъ въ деревнѣ и въ городахъ, добилась того, что при выборахъ въ городскія думы ея члены получили чуть ли не повсемѣстно огромное большинство мѣстъ гласныхъ. Какъ это отзывается на городскомъ хозяйствѣ, — говорить едва ли нужно; но для членовъ партіи, попавшихъ въ муниципіи, пока-что результаты получаются блестящіе: они занимаютъ платныя мѣста, не стѣсняются увеличивать сами себѣ оклады и всемѣрно оттѣсняютъ отъ занятія платныхъ должностей лицъ инакомыслящихъ.

Но, въ муниципальномъ засильѣ эсеровъ намѣчается уже трещина, которая съ каждымъ днемъ должна все увеличиваться. Добиваясь успѣха на выборахъ, эсеровскіе агитаторы не стѣснялись въ посулахъ: обѣщали населенію золотыя горы, обѣщали упорядоченіе продовольственнаго вопроса, вопроса о снабженіи горожанъ топливомъ, бесплатнымъ низшимъ и среднимъ обученіемъ, улучшеніемъ городского благоустройства, — и такъ какъ ни единого изъ этихъ обѣщаній они выполнить не имѣютъ возможности, то уже и сейчасъ въ массѣ городского населенія намѣчается разочарованіе, и «армія» горожанъ отказывается отъ «штаба» эсеровъ-муниципаловъ. И тутъ — армія безъ штаба и штабъ безъ арміи. А скоро то же будетъ и въ деревнѣ. Легко можно ликвидировать помѣщицкіе землевладѣніе и не трудно подѣлить между крестьянами-общинниками помѣщицкую землю. Но вѣдь таковой очень и очень не много. А вотъ какъ товарищи-эсеры справятся съ частновладѣльческой крестьянской землей, съ почти девятью миллионами крестьянскихъ дворовъ, владѣющихъ «собственной» землей? А вѣдь крестьяне-общинники несомнѣнно

потребуяютъ отъ нихъ выполненія обѣщанія, и въ тотъ моментъ, когда они признаютъ, что выполнить его невозможно, — престижъ эсеровъ въ деревнѣ упадетъ до нуля.

И снова встанетъ во весь ростъ чисто русскій «проклятый» вопросъ о штабѣ безъ арміи, и объ арміи безъ штаба, о великомъ раздѣленіи народа и интеллигенціи и о путяхъ воссоединенія этихъ частей живого народнаго организма.

Этотъ вопросъ для наиболѣе чуткихъ интеллигентовъ уже всталъ и властно требуетъ на него отвѣта. Попытки идти за народомъ и попытки вести народъ одинаково оказываются безуспѣшными. Очевидно нужно войти въ народъ, нужно слиться съ святынями народа, съ народной вѣрой. О, это трудная задача, задача непосильная для русской интеллигенціи, исповѣдующей социалистическое вѣроученіе. И не она въ конечномъ счетѣ будетъ тѣмъ «штабомъ», который поведетъ за собою народъ по пути возрожденія истерзанной Россіи: воссоединеніе интеллигенціи и народа совершится въ плоскости далекой отъ социализма, — оно и теперь уже намѣчается въ мучительномъ и трудномъ процессѣ Богоисканія, въ стремленіи нѣкоторой части русской интеллигенціи найти утраченную вѣру въ Бога, найти тѣ святыни народной вѣры, которыя были отброшены подъ вліяніемъ чуждыхъ русскому духу доктринъ, какъ пережитки старыхъ суевѣрій...

Г. Пришвинъ, на основаніи близкаго знакомства съ сектантами-костромичами (см. «У стѣнъ града невидимаго», «Русск. Мысль», 1909 г. № 2—3), приходитъ къ высокоинтересному и поучительному выводу, что на почвѣ религиозныхъ исканій и теперь уже фактически совершается воссоединеніе народа съ интеллигенціей. Увидѣвъ въ рукахъ «учителя»-сектанта истрепанный и зачитанный номеръ журнала «Новый Путь» съ помарками и помѣтками, г. Пришвинъ замѣчаетъ: «Слушаю ихъ и думаю: какіе-то тайные подземные пути соединяютъ этихъ лѣсныхъ немолякъ съ тѣми культурными. Будто тамъ и тутъ два обнаженія одной первоначальной горной породы».

Именно: первоначальная горная порода — эта стихія народной жизни сказывается и тамъ, и здѣсь. Г. Пришвинъ, потолкавшись среди «лѣсныхъ людей», вынесъ впечатлѣніе, что въ нѣдрахъ народа упорно работаетъ мысль въ области исканія вѣчной абсолютной истины, работаетъ совсѣмъ не въ томъ направленіи, какъ то думаютъ въ нашихъ социалистическихъ кругахъ. «Съ мужиками вообще принято говорить о нуждѣ и землицѣ», — замѣчаетъ г. Пришвинъ, — а тутъ ему пришлось убѣдиться, что мужицкая мысль напряженно работаетъ въ сферѣ религиозной, что нужда и земля отходятъ на второй планъ, что религиозными исканіями народа перекидывается мостъ между ними и оторванной отъ него интеллигенціей.

Въ этомъ — надежда Россіи.

Мрачны горизонты настоящаго, душна и гнила атмосфера сегодняшняго дня, но за болотными туманами хозяйственной и духовной разрухи уже прозрѣвается отблескъ вѣчной истины, къ которой жадно тянутся и народъ, и интеллигенція...

И когда въ этой «тягѣ» они встрѣтятся, тогда «штабъ» и «армія» сольются воедино, и не будетъ проклятой розни между ними...

В. Быстренинъ.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФРОНТЪ.

Статья Н. Устрялова.

1

12 сентября, по приглашению Земского Союза и при содействии Соединенного Лекционного Бюро, я отправился на юго-западный фронтъ съ «культурно-просвѣдательными» цѣлями. Не потому рѣшилъ я поѣхать въ армию, что вѣрилъ въ силу слова. Нѣтъ, однимъ «убѣждармомъ», уговарителемъ больше или однимъ меньше—не все ли, въ сущности, равно? Словами дѣлу въ его теперешнемъ положеніи не поможешь, это ясно само собой.

Но хотѣлось свисли глазами посмотрѣть на «революционный фронтъ», прикоснуться къ нему, ближе и глубже понять его болѣзнь. «Неужели и тамъ то же, что здѣсь?»—хотѣлось хоть какія-нибудь данныя найти, чтобы рѣшить этотъ гнетущій вопросъ отрицательно. И гдѣ-то въ глубинѣ души теплилась надежда: «а, можетъ быть, и не все пропало, можетъ быть, еще можно что-либо сдѣлать»...

Двѣ недѣли пришлось мнѣ пробыть на фронтѣ. Читалъ государственное право на армейскихъ курсахъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Ѣздилъ въ корпусъ, читалъ тамъ офицерской аудиторіи лекцію о текущемъ моментѣ, и послѣ лекціи было «собесѣдованіе». Удалось побывать и на позиціяхъ, даже въ окопахъ первой линіи. Все время пребывалъ въ постоянномъ «контактѣ» съ армейскими организаціями уже по одному тому, что армейскими курсами завѣдуетъ армейскій комитетъ.

Такимъ образомъ можно было составить себѣ общее впечатлѣніе о жизни армии въ наши дни.

И нужно прямо сказать, скрывать нечего, да и бесполезно: впечатлѣніе получилось грустное, безотрадное. Болѣзнь углубляется, развалъ расгѣтъ стихійно, и нетрудно предсказать, чѣмъ онъ кончится, если какое-нибудь чудо не станетъ неожиданно на его пути. Какъ же онъ проявляется, въ чемъ его источникъ?

Общее мнѣніе, что разруха пришла на фронтъ съ тыла. «Если бъ не тылъ, война бы сейчасъ уже была кончена, мы бы имѣли почетный миръ»—такое утверждение вы слышите на фронтѣ повсюду и отъ офицеровъ, и отъ наиболѣе сознательныхъ солдатъ.

Фронтъ развратили пополненія. Въ сочетаніи съ «декларацией правъ солдатъ» они создали на войнѣ ту митинговую атмосферу, которая абсолютно несоединима съ какою бы то ни было боеспособностью.

Сначала, въ первые недѣли и мѣсяцы революціи, здоровый, хотя усталый, организмъ армии еще боролся съ являвшейся извнѣ заразою: не солдаты фронта опускались до уровня «революционныхъ» пополненій тыла, а, напротивъ, эти послѣднія поднимались до боевого уровня солдатъ фронта. «Мы ихъ не слушали, а посылали на самыя трудныя работы, чтобы дурь выгнать», рассказывалъ мнѣ одинъ предсѣдатель полкового комитета, умный и чрезвычайно симпатичный солдатъ съ георгиевскимъ крестомъ.

Но вскорѣ старанія агитаторовъ при благосклон-

номъ молчаніи непротивленческаго правительства стали брать свое. «Вѣянія революціи» проникли на фронтъ. Появилась своеобразно воспринятая «классовая точка зрѣнія», зазвучала пошлая и бессмысленная кличка «буржуй». Начался расколъ между солдатами и офицерствомъ.

Любопытная иронія судьбы! Революція стремилась «заполнить пропасть между команднымъ составомъ и арміей», якобы существовавшую вслѣдствіе «дисциплины палки». На дѣлѣ же именно она, именно революція, эту пропасть вырыла. Раньше общая боевая опасность сближала офицера и солдата, и на войнѣ они были какъ братья. Теперь—вмѣсто борьбы съ общимъ врагомъ взаимная жгучая ненависть на горе себѣ и на радость врагу. Не миръ, но раздоръ принесла фронту свобода.

Кризисъ перваго правительства болѣзненно отозвался въ армии. Боевая сила ея съ той поры стала уже регулярно таять не по мѣсяцамъ, а по днямъ. Пополненія уже не съ насмѣшливымъ и брезгливымъ презрѣніемъ встрѣчались; къ ихъ лозунгамъ стали прислушиваться, ихъ призывы стали увлекать. Широко распространился дикая басня о буржуазии, какъ виновницѣ войны. Поползла ядовитая, шипящая клевета на сюзниковъ. Явилась идея братанія. «Микитка» мало-по-малу стала превращаться въ «большевика».

А въ это время новый военный министръ хотѣлъ удивить миръ своей революционной арміей и показать врагу всю силу дисциплины долга.

2.

Доселѣ часто еще вспоминаютъ въ армии то время—канунъ июньскихъ дней. Керенскій объѣзжалъ фронтъ, говорилъ «огненные слова». Его слушали, клялись вмѣстѣ съ нимъ, встрѣчали и провожали восторгами, энтузиазмомъ.

Да, несомнѣнно, онъ заражалъ своей вѣрой. Даже скептики начинали надѣяться. Многие офицеры говорили мнѣ, что *возражать ему не было силы*,—до того онъ весь горѣлъ своей идеей, до того убѣждалъ своею убѣжденностью.

Комитеты были имъ покорены. Пораженцы на глазахъ превращались въ борцовъ за побѣду, наступленіе стало общимъ лозунгомъ.

Но вся трагедія была въ томъ, что наступать-то должны были не только комитеты, но и армія. Вѣрнѣе, не столько комитеты, сколько армія. А до арміи, до «Микитокъ» огненные слова долетали слабо. Когда комитетчики хорошо или дурно передавали солдатамъ слышанное отъ народнаго министра, революционная армія недовольно гудѣла:

— Ага, на автомобиляхъ-то поѣздили, около генераловъ потерлись, и сами буржуями стали. Мы васъ за миромъ посылали, а вы вотъ что... Слѣдить за вами нужно, контроль!..

Эта несчастная *idée-fixe* русской революціи, идея

«контроля!» Это она разрушила власть, это она во всё сердца поселила ядь недоверья... Подобно тому, как старый режим думалъ сыщиками себя спасти и, не доверяя сыщикамъ, поручалъ и за ними слѣдить другимъ сыщикамъ, такъ и революціонная демократія мечтаетъ всеобщимъ «контролемъ» всёхъ за всёми, всероссійскимъ сыскомъ, спасти себя...

И когда настали часы военного испытанія, случилось то, чего не могло не случиться: «дисциплина долга» разлетѣлась въ прахъ, разсѣявъ всё иллюзии на ея счетъ.

Нѣмцы прекрасно предвидѣли этотъ результатъ. Наканунѣ наступленія одной изъ нашихъ частей былъ взятъ въ плѣнъ нѣмецкій офицеръ-летчикъ, сбитый нашимъ огнемъ. На допросѣ онъ спокойно и увѣренно говорилъ:

— Мы знаемъ, что вы на-дняхъ будете наступать. Мы знаемъ также, что васъ вчетверо больше, чѣмъ насъ, и что вы лучше вооружены и снаряжены. Но мы не боимся: вашихъ солдатъ надолго не хватить. И, главное, у насъ очень хорошіе союзники.

— Какіе союзники?

— Пальшефики.

Это произнесенное на нѣмецкій ладъ слово, видимо, доставляло нѣмцу большое удовольствіе. А нашимъ офицерамъ трудно было что-нибудь возразить на него.

Предсказаніе летчика оправдалось. Порыва не хватило надолго. Благодаря артиллеріи, неприятельскія линіи были прорваны и первый день пѣхота шла впередъ. Но скоро распространилось извѣстіе, что дальше итти не слѣдуетъ, ибо это уже будетъ противорѣчить миру безъ аннексій и контрибуцій. Въ бояхъ подъ Брезжанами въ атакованныхъ частяхъ на 1000 солдатъ приходилось уже до 300 офицеровъ. Офицеры со своими вѣстовыми брали у солдатъ ружья и шли въ бой. Но бывало, что солдаты не желали давать офицерамъ ружья, опасаясь, какъ бы они ихъ не использовали въ контръ-революціонныхъ цѣляхъ...

Тарнопольскій прорывъ въ первый день нетрудно было ликвидировать, и для его ликвидаціи былъ предназначенъ цѣлый корпусъ, нѣкогда боевой и славный. Но этотъ корпусъ въ теченіе сутокъ обсуждалъ на митингахъ вопросъ о соотношеніи полученнаго имъ приказа о выступленіи съ идеями и лозунгами русской революціи. Въ результатѣ побѣдила «оборонческая» точка зрѣнія, но было уже нѣсколько поздно: заранѣе подготовленныя и крайне сильныя позиціи, на которыхъ должна была быть организована оборона, были взяты нѣмцами, пока революціонный корпусъ былъ разбитъ. вмѣстѣ съ тѣмъ тарнопольскій прорывъ разросся въ грандіозное пораженіе всего нашего юго-западнаго фронта.

О галиційскомъ отступленіи много уже писалось и говорилось. Это было сплошное паническое бѣгство, сопровождаемое грабежами и насиліями надъ окрестнымъ населеніемъ. Солдаты бросали амуницію и нагружали себя самыми разнообразными, подчасъ совершенно неожиданными предметами. Тащили домашнюю посуду, матеріи, и одинъ офицеръ мнѣ рассказывалъ, что своими глазами видѣлъ солдата, съ трудомъ передвигавшагося по дорогѣ изъ за большого плюшеваго кресла, съ которымъ ни за что не хотѣлъ разстаться...

О какой бы то ни было дисциплинѣ, разумѣется, не было и рѣчи. Командный составъ былъ безсиленъ,

и даже комитеты ничего не могли сдѣлать. Животный страхъ обуялъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ, что особенно отвратительно, жажда легкой наживы. Великая русская армія,—въ эти трагическія минуты она даже не была жалка,—она была омерзительна и скверно комична...

3.

Послѣ разгрома, по общему отзыву, могло бы наступить оздоровленіе. Ставшій главнокомандующимъ генералъ Корниловъ въ высшей степени энергично принялся за работу возсозданія арміи. Все офицерство дѣятельно ему помогало, и въ августѣ фронтъ уже приходилъ въ порядокъ...

Но главнокомандующій съ первыхъ же шаговъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ средѣ солдатъ. Онъ не только не пользовался популярностью въ широкихъ солдатскихъ массахъ, вкусившихъ отъ сладкаго плода «свободы»—нѣтъ, его опредѣленно не любили. Но его побаивались и, главное, невольно, инстинктивно уважали. «Корниловская программа» постепенно осуществлялась на фронтѣ. Приказы ставки за этотъ періодъ времени были всё проникнуты единымъ здоровымъ планомъ и отличались единымъ твердымъ тономъ. Солдаты подтягивались, армія оживала, друзья нѣмцевъ попритихли.

И все сразу пошло прахомъ. Такъ называемое «корниловское возстаніе» въ корнѣ разстроило налаживавшійся боевой механизмъ. Армія раскололась, и углубители революціи поспѣшили этотъ расколъ углубить.

До сихъ поръ на фронтѣ вы на каждомъ шагу слышите имя «мятежнаго» генерала. Солдаты и комитеты произносятъ это имя съ ненавистью, которая цѣликомъ переносится и на «корниловскую программу». А противоположная «программа»—германобольшевицкая—пріобрѣтаетъ широчайшій успѣхъ.

Комитеты «оборонческаго» типа перестаютъ пользоваться сочувствіемъ массъ. Большевики, притаившіеся при Корниловѣ, подняли головы. Вновь выбираемые комитеты составляютъ подѣ знакомъ большевизма. «Старые революціонеры» объявляются буржуями. Приходятъ новые люди.

—Я—старый революціонеръ, старый партійный работникъ,—жаловался мнѣ одинъ солдатъ, председатель комитета.— Съ перваго дня революціи я провожу въ жизнь новый строй. Я—иниціаторъ организаціи нашего комитета. Я разъяснилъ товарищамъ приказъ номеръ первый. И вотъ теперь меня гонять, называютъ старорежимцемъ. За что?

Мнѣ оставалось его утѣшить лишь соответствующими ссылками на судьбу товарищей Церетелли и Чхеидзе...

Да, злые всходы пожинаяютъ нынѣ всё эти люди. Но вѣдь это всходы ихъ же поствовъ...

Теперь, подѣ вліяніемъ надлежащихъ разъясненій, солдаты глубоко убѣждены, что всё наши послѣднія пораженія—дѣло рукъ команднаго состава во главѣ съ ген. Корниловымъ.

— Опять предали. Нарочно Галицію очистили. Нарочно Ригу отдали. Мы хорошо дрались. А теперь видимъ, что бесполезно. Все равно продадутъ.

Это не преувеличеніе. Я нарочно записалъ эти слова, слышанныя мною отъ одного комитетчика новой формаціи. И затѣмъ часто, постоянно слышалъ отъ солдатъ повтореніе этихъ словъ.

Ихъ смыслъ поистинѣ страшень. Это одновременно и наглая ложь, и чудовищная, гнуснѣйшая клевета, и симптомъ глубочайшаго разложенія. «Незачѣмъ драться, все одно продадутъ». Да, враги знаютъ, какой ядъ наиболѣе ядовитъ...

— Въ арміи сейчасъ только двѣ партіи: октябристы и декабристы. Октябристы хотятъ итти домой въ октябрѣ, декабристы—тѣ «правѣе», тѣ соглашаются ждать до декабря...

Это мнѣ говорилъ одинъ членъ армейскаго комитета. Какъ извѣстно, генералы Верховскій и Черимисовъ «не вѣрятъ» въ существованіе такихъ тенденцій на фронтѣ. Что жъ, дай Богъ, чтобы они оказались правы...

Много, много эпизодовъ могъ бы я рассказать, обосновывающихъ то тяжелое впечатлѣніе, которое нынѣ выносите изъ поѣздки на фронтъ. Но къ чему всѣ эти отдѣльные рассказы? Спросите любого офицера: онъ ихъ знаетъ сотни.

Въ настоящіе дни революціонная армія являетъ много картинъ, знакомыхъ и революціонному тылу: опустошеніе огородовъ, повальная грызня сѣмячекъ, хроническая игра въ карты, и при томъ въ азартныя игры. Специфическія занятія фронта: пальба по уткамъ и прочимъ птицамъ (дикимъ, а иногда и домашнимъ), глушеніе рыбы въ рѣкѣ посредствомъ ручныхъ бомбочекъ, и, за послѣднее время, поголовные браки солдатъ съ «дѣвчинами» изъ мѣстныхъ деревень. Фронтъ переживаетъ теперь какую-то эпидемію свадебъ, и даже казаки, какъ говорятъ, ей подвержены...

Но неужто нѣтъ ни единого свѣтлаго пятна?..

4.

Нѣтъ, есть свѣтлое пятно. И пятно большое, многообещающее. Мнѣ оно было особенно ясно видно во время моихъ лекцій и послѣ лекціонныхъ бесѣдъ со слушателями.

Я читалъ, на армейскихъ курсахъ, делегатамъ цѣлой арміи. Каждый полкъ посылаетъ на такіе курсы своего представителя, который вполнѣ въ обязанности обязанъ рассказать своимъ избирателямъ содержаніе слышаннаго. Такимъ образомъ, «по идеѣ», вся армія должна приобщаться черезъ столичныхъ лекторовъ къ знанію и политическаго воспитанія. Въѣхавъ со мною на курсы читали нѣсколько москвичей—между ними проф. Е. Н. Ефимовъ. Читаются курсы государственнаго права, политической экономіи, аграрный вопросъ, проблемы войны, политическія партіи и пр. Аудиторія—человѣкъ около двухсотъ. Нѣсколько офицеровъ, нѣсколько интеллигентныхъ солдатъ, остальные—обычная, «настоящая» солдатская масса, мужички, только, очевидно, изъ наиболѣе «толковыхъ» или наиболѣе любознательныхъ.

И вотъ, съ величайшей радостью долженъ сказать, что болѣе благодарной, отзывчивой аудиторіи трудно гдѣ-либо и кому-либо найти. Лектора слушаютъ, затаивъ дыханіе, насторожившись, боясь пропустить единое слово. Когда вы рассказываете какой-нибудь историческій эпизодъ, вы замѣчаете по лицамъ слушателей, что они переживаютъ всѣ перипетіи этого эпизода, поистинѣ живутъ имъ и въ данный моментъ *только* имъ. Если вы что-либо рассказали или изложили недостаточно ясно для аудиторіи, васъ немедленно забросаютъ со всѣхъ сторонъ записками съ

просьбами выяснить, или пояснить, или дополнить ваше изложеніе. Если вы высказали мысль, встрѣчающую нѣкоторыя сомнѣнія, вы тотчасъ же получаете рѣй записокъ съ возраженіями. И нужно подчеркнуть, что эти возраженія всегда изложены въ формѣ чрезвычайно деликатной, скромной, въ формѣ вопросовъ незнающаго знающему. Вы совсѣмъ не чувствуете въ этой аудиторіи того специфическаго гонора невѣжды, который бываетъ—увы!—не чужды и нѣкоторымъ значительно болѣе «высокимъ» собраниямъ российской республики...

Когда однажды какой-то самоувѣренный большевикъ прислалъ лектриссѣ записку, редактированную не вполне корректно, вся аудиторія загудѣла отъ негодованія и стыда, и послѣ лекціи обратилась къ завѣдующему курсами съ просьбою проводить всѣ присылаемыя лекторамъ записки черезъ специальную редакціонную комиссію, избранную изъ состава слушателей. И только вмѣшательство самихъ лекторовъ заставило аудиторію отказаться отъ такого намѣренія.

Да, эти солдатскіе представители, пришедшіе учиться, уже вышли изъ первой стадіи невѣжества, какъ извѣстно, всегда неразрывно связанной съ психологіей всезнайства. Они уже достигли того уровня, который въ свое время Сократъ обозначилъ знаменитымъ изреченіемъ: «я знаю, что я ничего не знаю».

О, когда-то вся русская революціонная демократія достигнетъ этого благотворнаго сознанія! Да будетъ благословенъ этотъ грядущій день...

Конечно, вся сѣрая масса нашихъ слушателей уже наслышалась криковъ послѣдней моды. Но, разумѣется, они не вошли и не могутъ войти въ ея плоть и кровь. Ужъ очень не къ лицу Циммервальдъ русскому мужику.

Бывало, смотришь на свою аудиторію,—и вдругъ грустно станеть. Такъ много хорошихъ, простыхъ, русскихъ лицъ,—и зачѣмъ только ихъ насильственно формируютъ дешевыми, копеечными идеяками, и зачѣмъ это они косноязычно бормочутъ о «буржуазизмѣ» и «демократистахъ»...

Въ сѣмѣхъ дѣлѣ, зачѣмъ, зачѣмъ эти головы, въ которыхъ такъ чувствуется живой природный здравый смыслъ, забиваются хламомъ отвлеченныхъ и, главное, до того имъ чуждыхъ лозунговъ? И чѣмъ же это кончится? Одолѣетъ-ли натура, проснется ли инстинктъ, или такъ-таки и пойдемъ въ пищу интернаціоналу, сирѣчь Германіи?..

Чѣмъ ближе всматривались мы въ нашу аудиторію, чѣмъ больше мы съ ней свыкались, тѣмъ все глубже и тверже становилось убѣжденіе, что недугъ арміи, а значитъ, и Россіи,—временный недугъ, болѣзнь роста. Съ каждымъ днемъ и на нашихъ глазахъ аудиторія какъ бы пробуждалась отъ нелѣпаго кошмара непереваренныхъ партійныхъ догмъ и пустыхъ фразъ. Простые факты, сообщаемые нами, конституціонная исторія Западной Европы, объективныя данныя государственовѣдѣнія и экономической науки—все это захватывало, удивляло, вызывало напряженную работу въ умахъ и постепенно порождало соответствующее волевое устремленіе. Только надолго ли?..

«Вы намъ мозги прочистили», говорили на прощанье намъ слушатели. И одни эти простыя, теплыя слова, казалось, вознаграждали за всѣ тѣ грустныя, тяжкія минуты, которыя заставляютъ переживать всякаго созерцаніе современной жизни на фронтѣ.

Да, съ этими людьми многое можно сдѣлать. И поистинѣ, великія возможности открыты нынѣ передъ Россіей. Два года свободной и самостоятельной жизни способны дать нашему народу больше, чѣмъ полвѣка самодержавія. Это несомнѣнно, и слѣпы тѣ, кто этого не видятъ.

Но страшно одно: время-то вѣдь не ждетъ, у насъ нѣтъ и двухъ лѣтъ, мы *сейчасъ*, вотъ *теперь же* должны спасать себя. А сейчасъ мы безсильны, какъ никогда. Вѣка угнетенія лежатъ на народѣ, наследственная темнота, а вѣдь кто не знаетъ, что темнота—лучшии покровъ для злыхъ дѣлъ и темныхъ людей...

И смѣшанное, глубоко тревожное чувство остается въ каждомъ нашъ «революционный фронтъ».

Старой арміи нѣтъ, старая вѣра, ее скрѣплявшая,

рухнула, новое сознание еще не народилось, и нужно время для его рожденія. Этого времени у насъ нѣтъ. Значитъ, въ силу необходимости сознание должно быть замѣнено чѣмъ-то другимъ. Чѣмъ же? Народнымъ инстинктомъ, народнымъ чувствомъ, «народнымъ гениемъ»? Или, быть можетъ, национальнымъ героизмомъ, хотя бы съ дѣйствительными «железомъ и кровью»?

Не знаю. Но ясно до полной очевидности, что организмъ Великой Россіи расшатанъ, его силы парализованы. Оправится ли онъ до послѣдняго, страшнаго удара извнѣ?

Если да,—его ждетъ великое будущее. Если нѣтъ,—горе ему.

Н. Устряловъ.

20 октября 1917.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Что обѣщали и что дали странѣ большевики?

Возстаніе большевиковъ 25 октября въ Петроградѣ и Москвѣ окончилось сверженіемъ Временнаго Правительства и установленіемъ власти совѣтствъ. Центральной властью въ странѣ является совѣтъ народныхъ комиссаровъ подъ предсѣдательствомъ Ульянова-Ленина. Переворотъ нельзя считать завершеннымъ. Борьба за власть продолжается, она ведется и съ оружіемъ въ рукахъ, и путемъ бойкота новой власти. Въ цѣломъ рядѣ мѣстностей и городовъ большевикамъ не удалось захватить власть. Рядъ окраинъ создалъ у себя автономное управленіе: Украина, Область войска донскаго, Молдавія... Въ рядахъ фронтовыхъ армій организуется другое новое правительство. Единство и цѣльность Россіи разрушились, страна ввергнута въ анархію. Гражданская междоусобная война, начавшаяся въ столицахъ, охватила почти всю Россію. Петроградъ и Москва уже залиты кровью, вырваны тысячи жертвъ.

Во имя чего поднято «возстаніе» и куда оно ведетъ?

Борьба за права народа всегда достойна всякаго преклоненія и восхищенія. На скрижаляхъ человѣческой исторіи навѣки записаны такіе моменты борьбы за свободу, право и справедливость. Эти моменты—великія историческія цѣнности, дѣлающіяся достояніемъ всего человѣчества: они ведутъ отъ тьмы, гнета и неправды къ прогрессу, къ болѣе справедливымъ условіямъ жизни. Имена борцовъ за правду живутъ вѣчно въ памяти народной.

Создастъ ли народъ такой нерукотворный памятникъ тѣмъ, кто поднялъ возстаніе 25 октября? Слава или проклятіе окружить ихъ имена? Въ моментъ, когда еще не стерты слѣды крови, кругомъ разрушенія, когда могильный холмъ еще только покрываетъ жертвы кровавой бойни, трудно говорить хладнокровно, сохранить безпристрастіе...

«Возстаніе 25 октября» имѣетъ цѣлью,—какъ это пояснено большевиками,—защиту правъ народа, достиженіе для него благъ. Война истомила народъ, вырвала миллионы жертвъ, создала лишения и разоренія. Страна жаждетъ мира, а мира все нѣтъ. Лишенія все растутъ, половина Россіи стоитъ передъ на-

двигающимся голодомъ. Всюду вопль: «дайте хлѣба!» Мартовскій переворотъ смелъ старую деспотическую власть, уничтожилъ политическое неравенство, но не устранилъ социального неравенства: остались богатые и бѣдные, имущіе и неимущіе, сохранились капиталистическій строй и частная собственность. Дѣятели мартовской революціи полагали, что строительство новой жизни, перемѣны въ социальномъ устройствѣ будетъ предметомъ и цѣлью дѣятельности Учредительнаго Собранія и будущей законодательной палаты. Революція привела къ переходу власти въ руки народа, остальное могло быть достигнуто путемъ законодательныхъ реформъ. Большевикъ стремился къ «углубленію революціи», къ осуществленію насильственнымъ путемъ не только политическаго, но и социального переворота, при этомъ считалось достижимымъ осуществленіе всей программы-максимумъ социалистовъ, т.-е. замѣны капиталистическаго строя социалистическимъ. Переходъ власти къ большевикамъ сулилъ величайшія социальныя перемѣны: обобществленіе всѣхъ орудій производства, социализацію земли, государственное регулированіе всѣхъ отраслей промышленности и пр., т.-е. достиженіе всего того, что начертано, какъ конечный идеалъ социалистическаго движенія и борьбы труда и капитала, и чего нѣтъ еще нигдѣ, ни у одного народа. Ни одна изъ другихъ социалистическихъ партій осуществленіе социализма не считаетъ достижимымъ не только въ настоящій моментъ, но и въ ближайшемъ будущемъ.

Большевики обѣщали миръ солдатамъ, хлѣбъ рабочимъ, землю крестьянамъ, всей странѣ—конецъ власти капитала, установленіе социалистическаго строя... И народъ пошелъ за большевиками, вѣра въ ихъ обѣщанія, далъ имъ власть... Не социалистическіе идеалы двигали народъ, не доктрины, не принципы. Миръ, хлѣбъ и земля,—вотъ что двигало народъ. Далъ ли все это новая «совѣтская власть» и сможетъ ли она дать?

Мира нѣтъ. Совѣтскаго правительства, захватившаго въ свои руки власть, не признаетъ еще ни одна союзная держава, и ни одна изъ нихъ пока не откликнулась на предложеніе новаго министра ино-

странных дѣлъ Бронштейна-Троцкого. Дипломатическій путь для переговоровъ оказался недостижимымъ. Новая власть отдала распоряженіе начать переговоры командному составу на фронтахъ. Ген. Ду-хенинъ отказался начать переговоры, онъ смѣщенъ, посланъ новый главнокомандующій прапорщикъ Крыленко. Начать переговоры призываются солдаты, уполномоченные полковы. Быть можетъ, они начнутъ, но что они дадутъ? Принесетъ ли «братаніе» и перемиріе въ дальнѣйшемъ мирѣ, уже не говоря о томъ какой? Ни одна изъ европейскихъ странъ не пережила переворота, фанатики и безумцы не стоятъ тамъ у власти. Ведущія войну страны движутся прежними интересами, цѣлями и задачами. Бронштейны и Ленины имъ ничего продиктовать не могутъ. Германія можетъ использовать наше уклоненіе отъ войны—вѣроятно такъ она и поступитъ—она переброситъ войска на другой фронтъ, а затѣмъ вернется опять къ намъ. Наши союзники уже перестаютъ быть таковыми, помощи отъ нихъ мы не можемъ больше ждать. Что же ждетъ насъ? Если мы перестанемъ воевать, заключимъ сепаратный миръ, то потомъ неизбежно попадемъ въ иностранную кабалу, которая будетъ называться «протекторатомъ», какъ это было съ Турціей, Персіей, Китаемъ. Что же иное ждетъ насъ, вѣдь, мы предатели и неоплатные должники. Большевицскій миръ несетъ рабство и иноземную зависимость, условія жизни, горшія чѣмъ были когда-либо, исключая всякіе виды на социализмъ. Народныя несчастія и несмыаемый позоръ—вотъ послѣдствія большевицскаго господства, если оно приведетъ къ сепаратному миру и къ измѣнѣ союзникамъ. Но и это еще не все: насъ могутъ отбросить еще далѣе на Востокъ, мы можемъ потерять еще значительную часть территории. Вѣдь, большевицское правительство способно обнажить фронтъ и не желаетъ затишья страну. Извѣстна ходячая фраза, будто бы сказанная однимъ изъ нынѣшнихъ руководителей германской политики: «если бы не было большевиковъ, то надо было бы ихъ выдумать». Большевики льютъ воду на германскую мельницу, то, что происходитъ въ Россіи, только на руку нашимъ врагамъ. Мы не знаемъ, передъ чѣмъ мы стоимъ: фанатизмъ или предательство, безуміе или злой умыселъ властвуютъ надъ нами! Истина раскроется. Безумцы или предатели передъ нами покажутъ будущее. Настоящее говорить только объ одномъ: обѣщанія и посулы не осуществяются.

Нѣтъ достойнаго мира, нѣтъ и хлѣба!

И откуда онъ придетъ? Его не обезпечила ни одна изъ продовольственныхъ системъ ни стараго, ни новаго режима. Вольная продажа привела къ спекуляціи. Распределительная система въ старыхъ бюрократическихъ рукахъ не дала положительныхъ результатовъ. Хлѣбная монополія также не удалась. Страна, охваченная анархіей, при общей экономической, финансовой и транспортной разрухѣ, при неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при отсутствіи сознанія долга и патриотизма, оказалась неспособной осуществить мѣропріятія, какія съ успѣхомъ проведены въ жизнь въ Германіи, Австріи и другихъ странахъ. Откуда теперь появится хлѣбъ, когда развалъ страны еще болѣе возрѣетъ, когда производительность понизилась до крайняго предѣла, когда трудовая жизнь смѣнилась междоусобицей? Новая

«совѣтская власть» несетъ не укрѣпленіе порядка, а борьбу и раздоръ. Углубляется разрушеніе и нѣтъ ничего творческаго и сознательнаго. Страна живетъ по инерціи, остатками былого государственнаго и общественнаго аппарата. Большевицскій режимъ разрушитъ послѣдній устой, и тогда—голодь, а не хлѣбъ.

Однимъ изъ первыхъ большевицскихъ декретовъ былъ декретъ о землѣ. Объявлено, что земля отбирается у помѣщиковъ безъ выкупа и переходитъ въ распоряженіе земельныхъ комитетовъ съ тѣмъ, чтобы потомъ перейти къ крестьянамъ. Земля рядового крестьянства и казачества остается у нихъ на прежнихъ основаніяхъ. Такъ порѣшили вопросъ о землѣ социалисты-большевики, когда получили въ свои руки власть. Въ этомъ рѣшеніи ни социализации, ни национализации, ни муниципализации нѣтъ. Земля отбирается у однихъ собственниковъ (помѣщиковъ) и передается другимъ собственникамъ (крестьянамъ). Вся крестьянская и казачья земля остается у нынѣшнихъ владѣльцевъ на правахъ частной собственности. Нѣтъ и рѣчи объ уничтоженіи частной собственности на землю, объ изъятіи ея изъ товарнаго производства. Отъ всего, что широковъщательно говорилося объ аграрномъ социализмѣ не осталось и слѣда.

Происходитъ отнятіе собственности у однихъ и передача ея другимъ. Это, что угодно, но только не социализмъ. Говорятъ, что земля все-таки переходитъ къ крестьянамъ, что помѣщичій классъ—классъ крупныхъ собственниковъ—сходитъ на-нѣтъ. Въ дѣйствительности и этого нѣтъ: классъ земельныхъ собственниковъ остается даже безъ какихъ-либо ограниченій въ концентраціи земельной собственности. Будетъ не дворянское, а крестьянское землевладѣніе, но со всѣми свойствами частновладѣльческаго хозяйства. Формально по изданному декрету помѣщичьи земли переходятъ къ земельнымъ комитетамъ, въ дѣйствительности декретъ гласитъ: «захватывай, кто можетъ». Такъ можетъ говорить демагогъ, но не социалистъ. Въ результатѣ землю захватятъ сильные крестьяне, тѣ, кто могутъ удержать ее въ своихъ рукахъ, и не получатъ тѣ, кто въ ней наиболѣе нуждается. Можно ли, однако, говорить, что такимъ путемъ крестьяне получаютъ землю? Получать только наиболѣе сильные изъ нихъ. Но, вѣдь, и столыпинскіе аграрные законы тоже создавали переходъ земель въ руки «сильныхъ, хозяйственныхъ, крѣпкихъ землѣ крестьянъ», и, однако, никто не называетъ Столыпина другомъ народа, давшимъ народу землю. Большевики даже не даютъ земли народу, они даютъ ее однимъ захватчикамъ. Народъ въ цѣломъ по прежнему землей располагать не будетъ.

Нѣтъ ни аграрнаго, ни промышленнаго социализма. Захватъ банковъ—не социализмъ. Это—грабежъ, производимый захватчиками, это—контрибуція, взимаемая съ побѣжденной стороны, это—дѣлежъ чужого имущества, а отнюдь не обобществленіе средствъ производства. Контроль надъ промышленностью въ томъ видѣ, какъ его проектируютъ большевики, создастъ невозможныя условія для промышленности, парализуетъ и разрушитъ ее,—это правда, но ни въ какой мѣрѣ къ социализму насъ не приблизитъ. Онъ создастъ властное положеніе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, откроетъ имъ возможность

доводить до максимальныхъ размѣровъ свои требованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ подорветъ хозяйственную сторону предпріятій, и они будутъ ликвидироваться.

Въ объявленной *ad hoc* программѣ большевиковъ нѣтъ экспроприации фабрикъ и заводовъ, нѣтъ социализации орудій производства. Остается капиталистическій строй, и одновременно однако захватъ банковъ, питающихъ средствами промышленность, и вытѣснение при помощи рабочаго контроля изъ распорядителей хозяйствомъ фабрикъ и заводовъ ихъ владѣльцевъ. Если нужно развалить окончательно нашу промышленную жизнь, то большевистскіе планы этого могутъ достигнуть, но приблизить къ социализму они столь же безсильны, какъ гладь, морь и землетрясение.

Если кто вѣрилъ, что большевики дадутъ миръ, хлѣбъ, землю, чужные продукты, онъ жестоко обманутъ. Дадутъ большевики раздоръ, мятежи, голодь и смерть. Это они уже и дали. Вѣка Россія страдала

отъ нищеты и рабства при царскомъ режимѣ. Царили безправіе, произволь, самовластіе. Населеніе не могло свободно жить, мыслить, говорить, вѣровать. Народъ не могъ выбиваться изъ нищеты и неволи. За него и отъ его имени вершили дѣлами и судьбами страны другіе, кучка людей, временщики и царедворцы. Опираясь на темноту населенія, на силу штыковъ, правили страной эти засильники, не желавшие считаться съ волей народной, съ желаніями населенія, съ голосомъ страны. Теперь большевики воскресили старое. За двѣ недѣли до Учредительнаго Собранія, не выслушавъ и не узнавъ воли народа, они его именемъ подняли мятежь, опираясь на темные, обманутые слои народа и силу штыковъ, захватили власть и распоряжаются страной такъ, какъ старые царскіе засильники. Но силою штыковъ можно разрушить и убить страну, но создать ничего нельзя.

Н. Горданскій.

ФОКУСНИКИ.

Статья В. Дороватовской.

«Ничего сверхъестественнаго господа, всего только проворство рукъ».

Поразительно ловкія руки! Вы своими глазами видѣли восмерку червей, а смотрите вмѣсто нея лежитъ шестерка пикъ.

Изумительно проворные пальцы прирожденнаго шуллера самой природой приспособленные къ передегиванію картъ.

Россійскіе любители проворныхъ фокусниковъ восемь мѣсяцевъ могли развлекаться ихъ ловкой игрой на страницахъ «Правды» и «Соціалъ-Демократа», повторяя вслѣдъ за Кузьмой Прутковымъ безсмертную фразу: «не вѣрь глазамъ своимъ».

Не даромъ честные фокусники предупреждаютъ о свсемъ талантѣ доверчивую публику, склонную заподозрѣвать ихъ въ сношеніяхъ съ нечистыми силами.

Но петроградская «Правда» безъ предупрежденія о своемъ талантѣ обнаруживала необыкновенное проворство рукъ еще 22-го апрѣля. Все было понятно и очевидно: шла вооруженная толпа съ красными флагами «долой Милюкова и Гучкова», навстрѣчу ей—невооруженная смѣшанная толпа съ плакатами «довѣріе Временному Правительству». Столкнулись, обмѣнялись взаимными привѣтствіями послѣ чего вооруженные пустили въ ходъ винтовки.

Нужды нѣтъ, что правительственная манифестация не была вооружена, что убитымъ оказались именно ея участники, «Правда» на другой день объявила, что стрѣляли въ «революционный народъ» буржуи, сторонники Милюкова.

Еще наканунѣ этотъ же фокусъ показывали рабочей толпѣ товарищъ Стекловъ съ балкона Морского Кадетскаго корпуса, благословляя ее на ратный подвигъ противъ Милюкова,—«истиннаго представителя буржуазіи», «совѣтника Николая II», «однимъ росчеркомъ пера уничтожившаго всѣ завоеванныя народомъ права».

Фокусъ «Правды» былъ не столь тонокъ и рассчитывался на менѣе просвѣщенную аудиторію, но во всякомъ случаѣ онъ удался вполне.

— Да кто же стрѣлялъ? Вы, товарищъ, были на Невскомъ?

— Извѣстно, кто стрѣлялъ,—буржуазы въ народъ стрѣляли, хотѣли старый порядокъ вернуть.

— Видѣть я не видала, на Невскомъ не бываю, а говорятъ въ народѣ, что студенты и офицеры стрѣляли. Буржуи будто на народъ пошли.

Этого только и надо было.

А ужъ если фокусникъ привыкъ къ успѣху и увѣренъ въ доверчивости своей неприхотливой публики, то можетъ и не замѣтить какъ изъ рукава его потертаго фрака выскочитъ на столь пропавшая карта.

Октябрьскія событія истолковали они очень просто: «Московская буржуазія пулеметами юнкеровъ и револьверами бѣлой гвардіи объявила возстаніе противъ народнаго правительства. Ей нужно было снова возвратитъ землю помѣщикамъ, затянуть дѣло мира», объявили они въ своемъ торжественномъ манифестѣ ко всѣмъ гражданамъ Москвы.

«Для буржуазіи былъ только одинъ выходъ — гражданская война за сохраненіе привилегій капитала и крупнаго землевладѣнія. Эту борьбу буржуазія начала вооруженной партизанской войной противъ Совѣтовъ и организованнымъ всероссійскимъ локаутомъ по отношенію къ рабочему классу», разъясняли они смыслъ событій россійскимъ гражданамъ въ своемъ официальномъ органѣ.

Но какъ же понять, что на страницахъ «Соціалъ-Демократа», гдѣ октябрьскія событія назывались «военнымъ мятежемъ юнкеровъ», «возстаніемъ буржуазіи», они писали: «И вотъ безсмертный петроградскій гарнизонъ и пролетаріатъ, совмѣстно со славными балтійскими моряками, 24-го октября вновь поднялъ красное знамя возстанія! Свершилось!... Пролетаріатъ возсталъ!» («Соціалъ-Демократъ» № 200). Какъ

понять, что в той-же газетѣ, гдѣ проклинались «корниловцы-юнкера», «первые поднявшие бунтъ противъ революціоннаго народа» они писали: «что мы готовились къ борьбѣ съ властью буржуазіи, мы не скрывали, что не сегодня, завтра эта борьба можетъ принять характеръ открытаго столкновения между нашими силами и силами противника, это всѣ ясно сознавали». «Мы упорно работали надъ созданиемъ, сплочениемъ, организацией могучей силы, мы точно учли эту силу, мы увѣренно начали борьбу, мы твердо шли къ побѣдѣ». («Соціалъ-Демократъ» № 201).

Такъ кто же поднималъ возстаніе? «Безсмертный петроградскій гарнизонъ и пролетаріатъ совместно ео славными балтійскими моряками» или «юнкера и буржуазная сволочь»?

Что же это? Буржуазія готовилась къ гражданской войнѣ «за сохраненіе привилегій» или «мы готовились къ борьбѣ съ властью буржуазіи» и «мы увѣренно начали борьбу», когда «учли свои силы»?

Вамъ странно? Нѣтъ, просто маленькая небрежность—припрятанная шуллеровскими пальцами предательская карта случайно выскочила изъ рукава.

Ничего. Кто по близорукости, а кто изъ вѣжливости не замѣтитъ, а главное не замѣтитъ самъ фокусникъ, увѣренный въ своей магической власти надъ тѣми, для кого устраивается эта игра ради высшихъ цѣлей.

Офицеры? Юнкера?—Это «баре» и «барскіе сынки», Школы прапорщиковъ? Юнкерскія училища?—«Они учреждались только для дѣтей полици, жандармовъ, охранниковъ, чиновниковъ и буржуазіи» («Соц.-Дем.» № 200) Вамъ страшно? Вы знаете, что среди современныхъ офицеровъ и юнкеровъ 95% изъ крестьянъ, вы знаете, что въ школахъ прапорщиковъ сейчасъ большинство съ 2-хкласснымъ и 4-хкласснымъ образованіемъ, что они пополняются солдатами бывшими на фронтѣ? Все это не важно, кому нужно повѣрять, а повѣривъ, повѣрять и другому: «вы должны добиваться немедленно закрытія этихъ вредныхъ заведеній» («Соц.-Дем.» № 200), что нужно для высшихъ цѣлей.

Ловкіе фокусники знаютъ, что имъ не сдобровать, что есть пункты, на которыхъ они своевременно провалятся, такъ ужъ лучше напередъ свалить все съ больной головы да на здоровую и заранѣе подтасовать карты такъ, какъ они подтасовали ихъ, рассказывая о «возстаніи барчатъ-юнкеровъ».

«Наши враги постараются ухудшить продовольственное положеніе. Они постараются возстановить деревню противъ города,—хотя какъ разъ въ городахъ разыгралась та рѣшительная борьба, которая мощно выдвинула вопросъ о землѣ. Они постараются руками крестьянъ уничтожить ту власть, которая еоздана рабочими и крестьянами» («Извѣстія Моск. Революц. Комитета» № 3).

О хитроумные политики!—они великолѣпно знаютъ, къ чему приведетъ ихъ владычество, они знаютъ, что посѣяли и уже предчувствуютъ всходы,—но они и изъ этой бури заранѣе думаютъ извлечь для себя пользу—эту бурю, заявляютъ они, посѣяли все тѣ же буржуи, на нихъ и обратите свой гнѣвъ, довѣрчивые слѣпцы. Они ловко переводятъ ударъ, проворные фокусники.

И въ какую героическую позу они становятся: «беззавѣтный героизмъ солдатъ и красной рабочей гвардіи спасъ революцію» (манифестъ). «Много крови,

драгоценной крови было пролито. Борьба была тяжелая. И побѣда досталась только благодаря напряженію всѣхъ силъ трудовыхъ массъ». («Соц.-Дем.» № 201).

Ужъ если «всей трудовой массѣ», пришлось выдержать тяжелую борьбу, потребовавшую напряженія всѣхъ силъ, то ужъ очевидно и противникъ былъ силенъ. Но... проклятая карта опять выскочила изъ рукава:—«Что же оказалось на самомъ дѣлѣ? Оказалась кучка юнкеровъ-корниловцевъ противъ тысячъ революціонныхъ солдатъ и красногвардейцевъ, быстро показавшихъ, что они умѣютъ умирать, не хуже старыхъ обстрѣлянныхъ солдатъ, кучка, не могущая противопоставить этой революціонной массѣ ничего, кромѣ винтовокъ и пулеметовъ (вся московская артиллерія, конечно на совѣтской сторонѣ)» («Извѣст. М. Вр. Революц. Комитета» № 1).

Да, они правы. это была кучка юнкеровъ и офицеровъ. По одному человѣку отстрѣливались они отъ сотни солдатъ, защищая свои посты, и умирали, не сдаваясь.

Что же? Толпа «мальчиковъ-юнкеровъ, мальчиковъ-студентовъ и гимназистовъ» потребовала напряженія всѣхъ силъ трудовыхъ массъ?

Фокусникъ увѣренъ, если онъ захочетъ, тотъ, кого онъ обманываетъ, увидитъ, гдѣ нужно, беззавѣтнаго героя самоотверженно проливающего кровь въ борьбѣ съ неравными силами за царство свободы, любви и братства.

О да, любви и братства. Вѣдь «пролетаріатъ и солдаты выказали себя какъ великодушные побѣдители» («Соц.-Дем.» № 201).

Это «выдумка» буржуазіи и «негодяевъ» эсеровъ, что въ Казани сожгли на кострѣ преподавателя военныхъ училищъ, что съ пристрастіемъ допрашивали Плеханова, ужасы женскаго батальона и Владимірскаго училища, побои и издѣвательства надъ арестованными, голодный режимъ арестованныхъ юнкеровъ, разстрѣлъ безоружныхъ плѣнныхъ, разоруженіе Александровскаго и Алексѣевскаго училища, невыполненіе условій мира, ими подписаннаго. Все равно они великодушные побѣдители, потому что могло быть хуже...

Почему же вѣрять этимъ обманщикамъ, играющимъ краплеными картами? Чѣмъ обошли они темныхъ людей, повторяющихъ ихъ выдумки, какъ дрессированные полугаи?

Безконечна человѣческая глупость, безпросвѣтна российская темнота и непомѣрны аппетиты.

Вѣдь прежде, чѣмъ «выступить», они «упорно работали», засыпая голодныхъ и темныхъ людей несбыточными обѣщаніями. Они побѣдили потому, что на всероссійскомъ аукционѣ дали больше всѣхъ.

И зачѣмъ нужно имъ это? Благо народа? Никто не заподозритъ ихъ въ пристрастіи къ русскому народу, если увидитъ, что сдѣлали они за время своего могущества.

Можетъ быть жажда власти? Но вѣдь властолюбецъ, добравшись до власти, старается удержать ее. А они?—Они не обезпокоены даже тѣмъ, что не могутъ выполнить ни одного изъ своихъ обѣщаній. Они не боятся возстановить противъ себя даже тѣ массы, при помощи которыхъ достигли власти. Дать населенію хлѣбъ, улучшить транспортъ, установить порядокъ,—въ этомъ дѣлѣ они не дали ничего, кромѣ нѣсколькихъ

воззваний, никого ни къ чему не обязывающих. Нѣтъ власть имъ не нужна.

Но кое-что они осуществили реально. Вѣроятно то, что считали своей наиболѣе серьезной задачей.

Прежде всего это роспускъ армии. Это вовсе не «честный миръ», о которомъ они такъ много толковали,—мира такъ не заключаютъ, они это прекрасно знаютъ,—это просто отказъ защищать свое государство, это предательство своей родины въ руки врага, предательство самое полное, самое безусловное,—все что хотите дѣлайте съ Россіей и берите ее, какъ вамъ угодно, и до какихъ угодно предѣловъ. Они не заключали мира,—они выдали Россію нѣмцамъ.

Имъ нужно было дорваться до тайныхъ договоровъ и банковъ, попутно разгромивъ тѣхъ, кто могъ оказать имъ сопротивление. Опубликовать тайные договоры союзниковъ, разстроить русскіе финансы и промышлен-

ность—вотъ ихъ другая серьезная задача, реально осуществляемая.

Ихъ работа была планомерна, послѣдовательна и неуклонно шла по одной линіи, къ одной цѣли, теперь ими достигнутой.

Довѣрчивые, близорукіе, жадные—вы не видѣли, какъ переглядывались со своимъ антрепренеромъ эти фокусники, завораживая васъ своей безчестной игрой! Что видѣли они черезъ ваши головы, за предѣлами всероссійской эстрады?

Нѣкто третій, сверкая мѣдной каской, одобрительно кивалъ имъ головой...

Какъ можно было, хоть на минуту забыть, что все, чему свидѣтели мы были, совершилось на фонѣ великой войны, что наша русская бѣда лишь одинъ актъ мировой драмы.

В. Дороватовская.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

БРОШЮРЫ:

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскіе учредительныхъ собрания (1813 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и власть въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. ВОРИСОВЪ. Гражданскія и обществ. Ц. 30 к.
6. А. ОГИНЪ. Демократическая организація арміи. Ц. 30 к.
7. ПРОФ. Н. П. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое социализмъ? (Печатается).
8. ПРОФ. В. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ. (Печатается).
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время. (Печат.)
10. ПР.-ДОЦ. С. Ф. КЕЧЕКЪ. Что такое свобода. (Печатается).
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКИЙ. Что такое конституція. Ц. 30 к.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Цѣна 40 коп.
13. ГЕОРГИ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Вакуинъ и бунтари 1917 года. Цѣна 30 коп.
14. ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи. Ц. 30 к.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФИОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 к.
16. ВОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Вѣзда о войнѣ. Ц. 30 к.
17. ПРОФ. А. А. ОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 25 к.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Пропорціональные выборы. Ц. 30 к.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Ученіе объ Учредительномъ Соборѣ, 2-е изд. Ц. 30 к.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. (Печатается).
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единная и педѣлимая Россія. Ц. 30 к.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКИЙ. „Что хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками“. Ц. 40 к.
23. ВЛ. ОСТРОВСКИЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 к.
24. В. ВАЙКОВЪ. Страхование отъ безработицы. Ц. 30 коп.

Адресъ конторы издательства: Москва, Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НАРОДОПРАВСТВО“.

Въ первыхъ номерахъ напечатаны статьи и очерки, слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Дороватовской, А. А. Евдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зѣньковского, Вячеслава Иванова, Н. М. Иорданскаго, прив.-доц. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондурушкина, Е. Коровина, Бориса Кремнева, В. Муравьева, В. В. Островскаго, А. Пойминова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, Б. Савнича, пр.-доц. А. Саккети, проф. М. Н. Соболева, свящ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, проф. В. М. Устинова, прап. Ушакова, проф. М. И. Фридриха, пр.-доц. Н. Н. Фиолетова, Георгія Чулкова и др.

Адресъ конторы: Москва Б. Дмитровка, 13, кв. 18, Тел. 2-39-96.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ на старообрядческій церковно-общественный журналъ

„СЛОВО ЦЕРКВИ“.

Годъ изданія третій

ЖУРНАЛЬ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ВЪ ЖУРНАЛЬ ПРИНИМАЮТЪ: священникъ Ѳ. М. Гусяковъ, Я. А. Богатенко, М. И. Бриллиантовъ, С. И. Быстровъ, Д. С. Варакинъ, П. И. Власовъ, И. А. Кирилловъ, В. Е. Мельниковъ, Ѳ. Е. Мельниковъ, г. Омега, А. А. Павловъ, В. Г. Сенатовъ, Тиханскій, С. Г. Ѳомичевъ, Шалаевъ, К. Н. Швецовъ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „СЛОВО ЦЕРКВИ“:

На годъ 9 р. 50 к., на 1/2 года—4 р. 75 к., на три мѣсяца 2 р. 50 к. Допускается разсрочка: къ 1-му января высылается 5 р., къ 1-му мая 3 р. 50 к. и къ 1-му сентября 1 руб.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Биржевая площадь, домъ Московскаго Банка.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный общественно-политическій журналъ

ВѢСТНИКЪ ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

Журналъ издается подъ непосредственнымъ наблюдениемъ Центральнаго Комитета партіи, при участіи: М. С. Аджемова, Н. И. Астрова, А. В. Васильева, В. И. Вернадскаго, Г. В. Вернадскаго, В. М. Гессена, Д. Д. Гримма, П. П. Гронскаго, кн. П. Д. Долгорукова, А. С. Изгоева, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтера, Ф. Ф. Кокошкина, А. А. Корнилова, Н. О. Лосскаго, В. А. Маклакова, А. А. Мануилова, П. Н. Милукова, Н. В. Некрасова, В. Д. Набокова, кн. В. А. Оболенскаго, С. Ф. Ольденбурга, И. И. Петрункевича, М. Д. Приселкова, Д. Д. Протопопова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, А. Н. Рутцена, К. Н. Соколова, Н. В. Тесленко, А. В. Тырковой, Н. Н. Черненкова, К. К. Черносвитова, кн. Д. И. Шаховскаго, А. И. Шингарева и др.

Редакторъ М. М. Винаверъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой до конца года—6 р. Розничная цѣна 25 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Французская набережная, д. 8, кв. 5.